

Б. ЛАВРЕНЕВ

Л 13.

P32592.

« ИСКУССТВО »

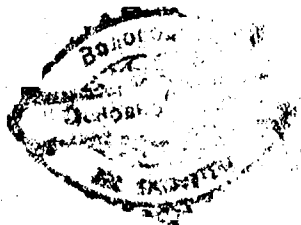

Борис ЛАВРЕНЕВ

П Е С Н Я
О
ЧЕРНОМОРЦАХ

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

32592.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“

Москва — 1944 — Ленинград

НЕЗАБВЕННЫМ СЕВАСТОПОЛЬЦАМ

...Помните, что вы черноморский моряк-с и что вы защищаете родной ваш город! Мы неприятелю здесь отдадим одни трупы и развалины, нам отсюда уходить нельзя-с.

Адмирал П. С. Нахимов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Иванов — генерал-майор, командующий армией.

Рощин — капитан 1-го ранга.

Полосухин — полковник.

Сагайдачный — старший лейтенант, командир батареи.

Каменецкий — лейтенант, его помощник, из запаса.

Королев — член союза писателей.

Нещепан — старшина 1-й статьи.

Ставриди

Шарабанов

Горячкин

Брилев

Дзюбенко — старый севастополец.

Матрена — его жена.

Шауфельд — гитлеровский офицер.

Линке — обер-ефрейтор, гитлеровец.

Эпизодические лица.

Действие происходит в Севастополе, в последние недели обороны.

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Обычный штабной кабинет. На письменном столе горит настольная лампа. Ее колпак направлен на стену за столом, и свет падает на карту Севастополя и окрестностей, повешенную на стене. В углу на кушетке спит накрытый синим одеялом Роцин. На спинке стула висит китель. Большое окно задернуто шторой. С открытием занавеса входит Нещела, атлетического склада человек. Форменка туго обтягивает его могучую грудь. Он останавливается и смотрит на спящего Роцина.

Нещела. Видать, крепко умаялся товарищ начальник... Жаль будить, а треба, бо он наказав делать побудку в семь ноль-ноль... (Гасит лампу и отдергивает штору.)

За окном яркое утреннее небо, ветки розового каштана в цвету и крыши домов.

День, як скло, чистый, море зайчиков гоняе... (Подходит к койке.) Товарищ капитан первого ранга!

Роцин (открыл глаза). Семь?

Нещепа. Семь десять... Я вам добавил. Може, хотите больше?

Рошин. Хватит! После войны отосплюсь. Ох, и здорово будет!

Нещепа. В салоне позавтракаете чи принести?

Рошин. Никакого завтрака! Только чаю. Покрепче! Чтоб янтарем-самоцветом горел.

Нещепа. Як же можно без завтрака? Марья Николаевна велела, щоб...

Рошин. Когда Марья Николаевна будет сидеть тут, на моем месте, пусть приказывает. А пока парадом команду я... Чаю!

Нещепа (отгорченно). Есть чаю... (Уходит.)

Рошин подымается, надевает китель. На столе трещит телефон.

Рошин (берет трубку). Капитан первого ранга Рошин... А, здравия желаю, товарищ контр-адмирал... Да, конечно... Ознакомлен полностью. В создавшихся условиях решение было правильным, хоть и привело к потере корабля... Ага! Командир храбрый и хороших морских традиций... А как же? Я всегда за своих командиров горой стою, если они заслуживают. Точно! Поговорить — поговорю и попарю. А к награде представляю... Это позвольте при личной встрече... Есть! Желаю благополучного дня. (Кладет трубку.)

Входит Нещепа с чаем.

Нещепа. Вот! Пейте на здравие!

Роцин. Это что за брайдахлыст? Я сказал — покрепче!

Нещепа. Крепче нема.

Роцин. Что ж, буфетчик не мог свежего заварить? Вылейте эту мерзость и принесите крепкого.

Нещепа (протягивает руку к телефону). Тогда дозвольте домой позвонить.

Роцин. Это зачем?

Нещепа. Щоб Марья Николаевна прислала хорошего сорту, бо штабной не дае навару. Конечно, Марья Николаевна не дозволяет поить вас крепким по причине сердца, а може...

Роцин. С ума сошли! Ладно! Оставьте эту жижу. Можете идти. И пошлите Журавлева.

Нещепа (с видом победителя). Есть Журавлева. (Ушел.)

Роцин (от хлеба ваяя). Ну, и хитрый Мазепа! Недреманное око Марьи Николаевны.. Тыфу, какая бурда! (Открывает окно и выплескивает чай.)

Входит лейтенант.

Лейтенант. Звали, товарищ капитан первого ранга?

Роцин. Звал... Отправьте, товарищ Журавлев, сводку адмиралу... У вас что-нибудь есть?

Лейтенант. Сагайдачный прибыл... Ожидает.

Роцин. А, давайте сюда.

Лейтенант выходит. Роцин садится за стол и придвигает бумаги. Входит Сагайдачный, подтянутый, крепкий, с живым, подвижным лицом. От подстриженных усиков он кажется старше своих двадцати восьми лет. Голова у него перевязана.

Сагайдачный. Товарищ капитан первого ранга! Явился по вашему вызову.

Роцин (откинулся на спинку кресла). Вижу! Садитесь!

Сагайдачный садится.

Хорош! Где корабль?

Сагайдачный. Корабль погиб, товарищ капитан первого ранга.

Роцин. Оч-чень приятное известие!

Сагайдачный (вспыльчиво). Корабль был бы цел и сейчас, если бы авиация не дрыхла, когда нужно было выслать самолеты для охраны каравана и...

Роцин (перебивая). Ясно! У нашего Ваньки всегда Малшка виновата... А корабля все-таки нет?

Сагайдачный (так же вспыльчиво). Я не хотел покинуть свой корабль. Меня с мостика силой стащили.

Роцин. Слыхал! Петуховина! Мало корабль утопить, так еще надо и самому утопиться? Кому нужно? Истерика! С головой что?

Сагайдачный. Зацепило.

Роцин. Почему в госпиталь не пошли?

Сагайдачный. Врачей смешить не хочу.

Рощин. Рассказывайте, как было.

Сагайдачный. Когда сигнальщики доложили о перископе, я увидел отчетливый след торпеды, идущей в середину транспорта. Сразу понял, что на такой дистанции транспорту уже не увернуться. Дал полный вперед на пересечку торпеды. Она ударила меня позади мостика. На плаву продержались шесть минут. Людей сняли, кроме девяти.

Рощин. Что ж, считаете свои действия правильными?

Сагайдачный. Иначе поступить не мог. Транспорт вез боезапас для батарей главного калибра на недельный срок. Сторожевик — меньшая потеря.

Рощин (раздраженно). А люди? О них подумали?

Сагайдачный. Подумал... Но на транспорте и людей было больше. И много вольнонаемных. А мои — военные моряки. Они меня поняли и, не дрогнув, исполняли долг.

Рощин. Подумаешь, какой Нельсон! Мелкокалиберный!..

Пауза.

Что ж теперь? Судить придется?

Сагайдачный (спокойно). Я суда не боюсь.

Рощин (внутренне любуясь, но иронически). Какой храбрый! Ничего не боится...

Сагайдачный. Я боюсь одного...

Неожиданно в распахнутую лейтенантом дверь входит Иванов, суховатый, быстрый в движениях, несмотря на хромоту и палочку, на которую опирается. У него седеющие китайские усы, на носу, как присевшая бабочка, поблескивает пенсне.

Иванов. Прошу прощения. Ни свет, ни заря и без доклада.

Рощин и Сагайдачный встают.

Рощин. Что вы, товарищ генерал-майор? Для вас в любую пору.

Иванов. Здравствуйте! Я по делу. Долго не задержу. (Внимательно посмотрел на Сагайдачного.)

Рощин. Товарищ Сагайдачный, подождите у адъютанта.

Иванов. Постойте!.. А мы с вами, товарищ старший лейтенант, словно бы давние знакомые... Я ведь на вашем корабле ходил во время десанта под Дофиновкой?

Сагайдачный. Так точно.

Иванов. Шумные были деньки! Вы тогда класно стреляли. Как ваш кораблик? Где плавае?

Рощин. Отплавался! Утопил корабль.

Иванов. Как так?

Рощин. А это пусть он сам вам объяснит... Садитесь, товарищ генерал-майор. Чем могу быть полезен?

Иванов (с е л). Жаль, жаль! Маленький был кораблик, а удалой. Большие дела делал... Я к вам, Михаил Михайлович, побираться приехал. У меня тоже беда. Лучший командир погиб, с двадцать первой зенитной. И так глупо... Приехал на час в город, подошел к киоску воды выпить. Шальной снаряд... и в клочки. Так не дадите ли кого из ваших морячков? Батарея серьезная.

Роцин. Двадцать первая? Это где?

Иванов (встал, подошел к карте). А вот... На Северной... У кладбища, где памятник москвичам.

Роцин (после паузы). Что ж? Можно!.. На ловца и зверь. Не желаете ли получить вот этого зверя? Кстати, вы и знакомы давно... Товарищ Сагайдачный, хотите на батарею?

Сагайдачный (изумленно). На батарею? Я?..

Роцин. А кто ж еще? Корабль погиб, а новых, как вам известно, нам получать неоткуда. Что же мне в резерве вас сушить впрок? Или на продуктовый буксир сажать? Вы — отличный артиллерист, и работа по вас... Хотите?

Сагайдачный. Нет!.. Не хочу!

Роцин. Я, кажется, ослышался? А ну-ка, повторите!

Сагайдачный (очень взволнованно). Товарищ капитан первого ранга... Не надо! Я с тоски умру, если палубы под ногами не будет. Я ж

пятилетним пацаном уже с отцом на дубке плавал. Нашу фамилию на всем Черном море, как морскую, сто лет знают. Прадед у Нахимова грот-марсовым был... Хоть кочегаром сажайте, только в море...

Рощин (встал). Товарищ Сагайдачный! Мне ваш характер известен. И то, что вам за него на флоте кличку «фугаса» приклеили, тоже не секрет. Но и у меня в организме взрывчатки хватает. Сам шуметь могу... Вы, что же, отказываетесь исполнить приказание?

Сагайдачный. Я прошу... Что угодно готов делать, только не отрывайте от моря.

Иванов (добродушно улыбаясь). Экий морской волк!

Рощин. А вот я волка в трибунал. Там из него в два счета овечку сделают.

Иванов. Погодите, Михаил Михайлович! (Подходит к окну — Сагайдачному.) Идите-ка сюда, мой друг.

Сагайдачный подходит.

Что вы там вон видите?

Сагайдачный. Малахов курган, товарищ генерал-майор!

Иванов. А на кургане?

Сагайдачный. Памятник.

Иванов. Кому?

Сагайдачный. Вице-адмиралу Корнилову.

Иванов (с е р д е ч н о). Не понимаете, юноша?.. А ведь он тоже был моряком. И каким!.. Из славной черноморской семьи. И крепко любил море. Однако, когда потребовалось для русского дела, — он своими руками потопил родные корабли и пошел драться на сушу. Стал душой обороны и отдал за нее жизнь. Умирая, сказал святые слова: «Отстаивайте Севастополь!» Сегодня мы снова слышим эти слова от Родины. Каждый из нас любит свое дело, но сейчас для нас нет иных привязанностей, кроме чести нашего города. Наше место там, куда он зовет... Пойдете на батарею?

Пауза.

Сагайдачный (д р о г н у в ш и м г о л о с о м). Поиду, товарищ генерал-майор... И прошу простить...

Иванов. Не извиняйтесь... Не люблю. Сам был молод и норовист. А жалеть вам не придется. Батарея на ответственном месте. Чудесный народ... Ваши же, моряки. Будете в родной семье.

Сагайдачный. Когда прикажете заступить?

Иванов. Сейчас же.

Рощин. На вашем месте я его не взял бы. Не заслужил.

Иванов. Заслужит. А характерами сойдемся. Горячих и упрямых люблю. Душа, значит, есть.

Рощин. Ну, раз вам так нравится это сокровище, то и берите его себе от лишних хлопот.

Иванов. Чудно! Едем!.. Счастливо, Михаил Михайлович!

Рощин (подошел к Сагайдачному и положил руку ему на плечо). Что «фугас»? Не вышло взрыва? Генерал запал вывинтил? (Замеялся.) Ну, желаю успеха! Не подведите! Армейская слава — большая слава. Ее заслужить надо... И помните: где бы вы ни были, вы везде остаетесь моряком. А моряки не отступают нигде. Ни в море, ни на земле.. Ясно?

Сагайдачный. Ясно, товарищ капитан первого ранга.

Иванов. Он не отступит — по глазам вижу.

Иванов и **Сагайдачный** выходят в сопровождении **Рощина**. В кабинет входит **Нещепа** и берет со стола пустой стакан.

Нещепа (ухмыляясь). Брыкався-брыкався, а все ж выпив. (Подходит к окну.) От он — наш Севастополь! Стоит, красавчик, белый, как мрамор, крепкий, що скала! И нияка сила его не бере. Думка моя такая, що нема ще на свете той силы, щоб сдукала Севастополь. (Помолчав.) И товарищ Ленин стоять по-над рейдом, доглядае свой флотский город. Руку до нас протянув, кличе: «Держитесь, браточки, любые черноморцы, на

выдайте!» А флот гремит с пушек: «Чуем, батько, не выдадим!»

Возвращается Рошин. Нецепа обернулся.

Ще чайку не прикажете?

Рошин. Спасибо! Опять помоев дадите!

Нецепа. Так вы ж выпили...

Рошин. Дудки! За окошко вылил...

Нецепа (в отчаянии). От же наказание с вами!

Рошин. Что? Не вышло? Перехитрил? Идите!

Нецепа топчется на месте, явно желая что-то сказать.

У вас еще что-нибудь?

Нецепа. Разрешите обратиться?

Рошин. Ну?

Нецепа. Товарищ капитан первого ранга, коли моя просьба не дуже нахальная — отпустите меня на боевую линию.

Рошин (изумленный). Хотите уйти? Разве вам у меня плохо?

Нецепа. Що вы? От вас, кроме добра, ничего не бачив... А все ж...

Рошин. Что?

Нецепа. Новже мне всю войну при штабе крутиться? Внуки спытают: «Як ты, диду, с немцем воював?» Що отвечу? Що я того немца и в глаза не бачив. Годки мои давно в бою, а я пропадаю.

Вы гляньте на мои руки. Разве ж ими бумажки по штабу носить? Ими что сделать можно! Может моя доля саморучно Гитлера удавить? Отпустите не сердчайте!

Рощин (мягко). Понимаю и не сержусь. Отпустить вас жаль, я к вам привык, вы — толковый работник, но препятствовать не стану. Куда ж вы хотите?

Нещепа. Если можно, то на батарею до старшего лейтенанта Сагайдачного. Я у его по первому году на корабле служил.

Рощин (удивленный). Вы уже знаете, что Сагайдачный пошел на батарею?

Нещепа (хитро). А безусловно! Штабным же все известно!

Рощин (расхохотался). Толково! Скажите начальнику штаба, что я разрешил дать вам направление.

Нещепа. Спасибо, товарищ капитан первого ранга. Вы за мной не скучайте. После войны непременно вернуся до вас, помогать по службе.

Рощин (смеется). Определенно! Мне без вас плохо, а уж Марья Николаевна совсем пропадет. Через кого она теперь меня тиранить будет?.. Доброго пути! (Протягивает руку, которую Нещепа осторожно жмет своей громадной лапой.) Ступайте!

Нещепа уходит.

(Задумался.) Да!.. Севастополь, Севастополь... Второй раз... И, как прежде, злой для врага... Что-то все уходит на землю... Пойти и мне? Нет! Еще поплаваем, пока можно... (Берет телефонную трубку.) Ноль двадцать... Товарищ дежурный, мой катер к пирсу в десять пятнадцать... Точно! (Кладет трубку.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

До открытия занавеса оркестровое вступление, в котором слышны звуки боя — рев самолетов, частые удары пушек. Все обрывается тяжелым ударом взрыва. Тишина. Из-за занавеса чей-то крик: «Аварийную на второе! Живо!» Занавес открывает часть позиции батареи — орудийный котлован среди скал. Над валиком котлована изуродованные, обломанные деревья с опаленной листвой. Все затянуто дымом, из которого выплывает поднятый в небо ствол зенитной пушки. Оглушенные краснофлотцы расчета — среди них Ставриди, Брилев, Горячкин и еще несколько — протирают глаза. Немного сбоку стоит Нещепан и смотрит, как двое краснофлотцев укладывают на носилки раненого. Бессильно свешивается окровавленная рука. У заднего среза котлована, обращенного к зрителю, где стоят кранцы первых выстрелов, стоит на коленях краснофлотец Шарбанов, уткнувшись лицом в кранцы и прикрыв сверху голову руками. В его позе — беспредельный страх. Слышно удаляющееся гудение самолетов.

Первый краснофлотец. Эй, кролички!.. Кто живой, кто мертвый — отзовись!

Второй краснофлотец. Кто спрашивает, тот, верно, живой. А остальные пока самоопределяются насчет отношения к жизни.

Горячкин. Вот это дали памяти! Уж я думал — отходился Горячкин по севастопольским кручам!

Нещепа. А кто с живых панику учинив? Кто аварийную кликав? На шо она сдалася?

Третий краснофлотец (с телефонными наушниками). Подъемный механизм заклинил товарищ старшина.

Нещепа. Ну, и шо с того?.. А мы — козлы? Сам справить не можем? Отставить аварийную! Справлять самосильно!

Третий краснофлотец (в телефон). Боровков это снова я... Со второго. Аварийная еще не вышла? Ну, и не надо. Без вас сладим. Ага... Д скорого!

Раненый (пытаясь приподняться и носилках). Товарищ старшина!

Нещепа. Не ворошись, товарищ Власов! Чем тебе?

Раненый. Не отправляйте с батареи. Не хочу госпиталь. Тут подлечусь.

Нещепа. Не можно. Руку ж расщепило. Без госпиталя тебе ремонту не сделать.

Раненый. Только дайте слово, что возьмете обратно... Хотя без руки... Я и с одной...

Щепа. А безусловно возьмем... Не тревожься!.. Лежи, друже, тихо. Несите, хлопцы!

Краснофлотцы уносят раненого.

Остальные все целы?.. А де Шарабанов? Не ба-чу Шарабанова.

Ставриди (замечает Шарабанова). О! Интересное явление! (Подходит.) Уважаемый товарищ! Где у вас конец, где начало? Помогите разобраться. Покажите личико!

Щепа, Шарабанов!

Шарабанов недвижим.

Ставриди. Требуется применение домкрата. (Берет Шарабанова за воротник и ставит на ноги.)

Шарабанов смотрит ошалелыми глазами.

Щепа (гневно). Шарабанов! Як же это понять?

Горячкин. По медицине это заячья лихорадка.

Щепа. Так як же ты, чортово...

На гребне валика появляется Сагайдачный и спрыгивает в котлован.

Сагайдачный. Как дышите, орлы? Не жарко?

Первый краснофлотец. Как на пляже, товарищ старший лейтенант. Только вместо моря в пыли моемся.

Сагайдачный. Море временно отменяется. У вас все в порядке, товарищ Нещепа?

Нещепа. В общем так.

Сагайдачный. А точнее?

Нещепа. С личного состава выбыл подносчик Власов. Плечо разворотило. Остальные нетронутые. У пушки заклинение. Зараз справлять будем.

Сагайдачный. Не страшно! На третьем всю пушку снесло... (Замечает странный вид Шарабанова.) Что с вами? Ранены?

Ставриди. Это, товарищ старший лейтенант, извиняюсь, бракованная модель краснофлотца.

Сагайдачный. Не понимаю.

Ставриди. В мозжечок ушибло. От бомбежки головой в кранцы залез в дражементе... Вибрион И доношенный!..

Сагайдачный. Вы бы, Ставриди, не швыряли словами, которых не понимаете... (Смотрит на Шарабанова.) Так... Я думал, что принимаю настоящую батарею с настоящими бойцами. А не деле...

Ставриди. Товарищ старший лейтенант, это не все же такие. Это семейное уродство.

Сагайдачный (Шарабанову). Какого год службы?

Шарабанов (опустил голову, чуть слышно). Первого.

Сагайдачный (резко). Громче! Умели бегать -
умейте отвечать. На батарее давно?

Шарабанов. Третью неделю.

Сагайдачный. Откуда родом?

Шарабанов. Смоленский, колхоз Князево.

Сагайдачный. Здорово родителей обрадовали.

Шарабанов. Нету у меня родителей, товарищ
старший лейтенант.

Сагайдачный. Сиротой росли?

Шарабанов (опять тихо). Нет! Немцы роди-
телей кончили.

Сагайдачный (мягче). Как же так? Родителей
немцы замучили, а вы от немцев стрелача даете?

Шарабанов. Обомлел, товарищ старший лейте-
нант. Очень напугался.

Сагайдачный. Что ж с вами таким делать? А?

Шарабанов (отчаянно). Пошлите под рас-
стрел! Все равно мне теперь жизни не выходит.
На людей смотреть нельзя.

Сагайдачный. Не пойму! Бомбежки струсил, а
расстрела не боитесь?

Шарабанов. Не боюсь! Если на смерть напрям-
ки глядеть, она не страшная. А как она нивесть
откуда исподтишка кидается, тогда боюсь. Не
умел совладеть.

Сагайдачный. Нужно уметь. Кто со страхом не
может справиться, — не боец, а кисель в штанах.
На войне всем страшно. Думаете, мне не страшно?

Но на страх есть дисциплина. Что такое дисциплина? Знаете?

Шарабанов молчит.

Это умение бойца безотказно делать в бою то, чего делать не хочется, делать страшно, но нужно. Запомните и подумайте.

Шарабанов. Понятно, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Будете это помнить — не струсите! Ступайте на место. Но если сдадите вторично, не пощажу.

Шарабанов. Больше не будет, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. И чаще вспоминайте, кто убил ваших близких... (К остальным.) А ну, товарищи, за работу! Налет повториться может, а у вас пушка заела.

Нещепа. Берись, хлопцы! (Идет к пушке.) Де заклинило?

Расчет собрался у пушки.

Первый краснофлотец (пытаясь вращать штурвальчик вертикальной наводки). Не проворачивается. Или где осколочек в шестеренку заскочил или зуб треснул. Ни туда, ни сюда.

Нещепа (засучивая рукава). А ну, дай

попытаю. (Берется за ствол и, напрягаясь, тянет вниз.) Ну, круторогая! Цоб-цоб!

Легкий треск, жужжание шестерни, и ствол опускается.

Вот я без аварийной обошлся!

Второй краснофлотец. Силенка у вас, товарищ старшина! Вы часом не смогли бы снести пушечку до адмиралтейства?

Нещепа. Буде нужно, то и снесу с тобою вместе... Кончить разговоры! Почистить орудию!

Появляется Каменецкий. Он немолод, китель сидит на нем мешковато, низко подвешенный кобур бьет его по ногам. Но фуражка блином лихо заломлена на затылок. Он идет, подслеповато щурясь и всматриваясь.

Каменецкий (подойдя к Сагайдачному). Товарищ, не встречали командира батареи?

Сагайдачный (в изумлении). Старик, ты здоров?.. Меня и обо мне же спрашиваешь? Контужен, что ли?

Каменецкий. Так это ты?

Сагайдачный. Как будто я... Да что с тобой?

Каменецкий. Проклятые очки! Воздушной волной сорвало. Все кругом обшарил, коленки протер. бойцы облазили — ни следа. Как на небо... Что делать — не знаю. Я без очков не человек, а фикция. Ивана от Петра не разбираю, хоть плачь.

Сагайдачный. Эх, старик! Как же ты, из запаса пришел, а такой незапасливый? Не мог лишней пары очков прихватить?

Каменецкий. В голову не пришло. Всегда одной обходился. Сломаешь — новую купишь. А сейчас во всем Севастополе ни пары. И сегодня, как назло, очки нужны.

Сагайдачный. Почему именно сегодня?

Каменецкий. В продбазу еду. Подарки пришли — нужно притнать.

Сагайдачный. Чего ж самому таскаться? Послал бы...

Каменецкий (возбужденно). Да что ты? Да ты знаешь, что такое хозяйственники? Сам не посмотришь, обязательно чего-нибудь недодадут или хлам всучат. Тут смотреть да смотреть надо. А чтоб я своих бойцов обидеть позволил! Нет, что без очков, без головы поеду.

Сагайдачный. Вижу, недаром тебя батарейцы за глаза «папаней» зовут.

Каменецкий. Они и в глаза так говорят. И я горжусь.

Сагайдачный. Добро, ежай! Придется, однако, тебе поводыря дать. Горячкин!

Горячкин. Есть Горячкин.

Сагайдачный. Съездите с лейтенантом. Если ему там вместо мандаринов дамские чолчики начнут подсовывать, подымайте шум.

Каменецкий. Шутки, шутки, а надуть могут!
Едем, Горячкин!

Каменецкий и Горячкин направляются за кулисы. Навстречу им входит Корольев, среднего роста, белокурый, спортивного склада. На нем командирская форма с серебряными пуговицами и эмблемой на фуражке, но без нарукавных нашивок.

Корольев (Каменецкому). Простите, где я могу найти командира батареи?

Каменецкий (наугад тычет в воздух).
Вон там!

Горячкин (улыбаясь). Неправильно пеленг берете, товарищ лейтенант. Товарищ командир батареи, наоборот, вон где.

Каменецкий. А, черт! Пропаду без очков. (Уходит с Горячкиным.)

Корольев (подходя к Сагайдачному). Скажите, пожалуйста, вы — командир батареи?

Сагайдачный. Точно! Товарищ Нещепан!

Нещепан. Есть!

Сагайдачный. Людям отдыхать, не отходя от орудия.

Нещепан. Понятно. Шабаш, хлопцы. Отдохнуть, покурить.

Краснофлотцы бросают чистку орудия, усаживаются.

Сагайдачный. Слушаю вас.

Корольев (протягивая руку). Очень рад

познакомиться. Наконец, я до вас добрался. Два часа блуждаю по фронту, как араб в пустыне. Я ведь назначен к вам на батарею.

Сагайдачный (не принимая руки, сухо). Товарищ командир, вас учили, как нужно являться начальнику?

Королев (о з а д а ч е н н о). Да я, собственно, не командир. Это только форма на мне...

Сагайдачный (п е р е б и в а я). Час от часу не легче. Кто же вы? Самозванец?

Королев. Что ^{вы} вы? Я писатель. Прилетел из Москвы по направлению военной комиссии нашего союза.

Сагайдачный. Туманно! Союз писателей назначил вас в мою батарею?

Королев. Да нет же! Союз направил в Эн-Ка-Ве Эм-Эф, оттуда в Цуфлот Черноморского, а Цуфлот к вам.

Сагайдачный. Сложная кривая! А с какой целью отображать... или, как это у вас называется?

Королев. Право, я сам не знаю. Мне просто хочется быть на фронте.

Сагайдачный (и р о н и ч е с к и). Логарифмическая точность! Простите, ваша фамилия?

Королев. Виктор Королев. Поэт. Может, слышали?

Сагайдачный. Не имел удовольствия. Я грубый моряк. Для меня стихи — жидкая чушь. (Меня тему.) А почему вы именно ко мне?

Королев. Я просил Цуфлот указать мне интересное место. Мне посоветовали вашу батарею.

Сагайдачный. Ни к чему! Здесь запросто могут угробить.

Королев (вспыхнув). Я не за безопасностью приехал. Я ее дома имел. (Обиженно.) Если я вам не нравлюсь — я уйду.

Сагайдачный (внимательно взглянув). Да нет, оставайтесь! Может, и заживем по-хорошему. Идите к начхозу, пусть он вас устроит, а там увидим.

Королев. Ладно! А где ваш начхоз?

Сагайдачный (неожиданно добродушно). Ладно?! Кто ж так отвечает? Приказание повторить полагается. Привыкайте. Что вам было приказано?

Королев. Пойти к вашему начхозу...

Сагайдачный. Просто начхозу, без «вашему». Отучайтесь от лишних слов. Нужно отвечать: «Есть отправляться к начхозу».

Королев. Есть отправляться к начхозу.

Сагайдачный. Вот правильно. А начхоз в блиндаже, вон у тех кустиков.

Королев, козырнув, уходит. **Сагайдачный** усмехнулся.

Нещепа (слушавший разговор, спрашивает). Новый командир до нас, товарищ старший лейтенант?

Сагайдачный. Вроде!

Нещепа. А ладный! Молодой!

Сагайдачный. А мы что, старые? У нас даже лейтенант Каменешский и тот молодой.

В котловане пищит зуммер.

Третий краснофлотец. Второе слушает... Есть! Товарищ командир батареи, вас...

Сагайдачный (надевая поданные наушники). Командир батареи. Ну?.. Не спорите горячку.. знаю. Приготовьте все к переходу, сейчас распоряджусь. (Снимает наушники.) Товарищ Нещепа! Холм с домиком возле кладбища знаете?

Нещепа. Точно.

Сагайдачный. Переносим туда командный пункт. В старый сегодня — два попадания. Видно, немцы присмотрелись. Да с холма и обзор будет лучше! Выделите из своего расчета пятерых с саперным инструментом. Пока пойдем, дам вам чертеж разбивки. (Уходит с Нещепой.)

Сидящий у пушки первый краснофлотец обращается к Брилеву, который, постлав на колени платок и разложив на нем нарезанное сало, аппетитно уплетает его.

Первый краснофлотец. А здоров ты покушаешь, Брилев.

Брилев (жизнерадостно). Есть такое! Я человек жадный. До чего я, братки, жить люблю. Так бы и жил без конца. Жизнь ведь повторю не

дает. Ну, раз живешь — радуйся. Всему радуйся. А радоваться здоровому способней. Меня родитель всегда наставлял: «Помни, Егор, здоровье всему фундамент, а еда человеку — большой друг. Кто сыт — не будет бит». И верно выходит. Родитель уже немалых годов достиг, а силы еще, что у бугая. Пальцем гвозди в стенку вдавливает. Да и мне не слабо. И вся порода наша до ужаса здорова и радостная.

Второй краснофлотец. Однако какое твое здоровье ни есть, а против старшины не выступишь. Видал, как пушку свернул. Аж сталь скрипнула.

Брилев. Это еще поспорить можно, кто кого.

Возвращается Нещепа.

Нещепа. Хлошцы! Пятерым с подвахтенной смены приготовить саперный инструмент.

Ставриди. Кстати поспели, товарищ старшина. Вот это травоядноз насекомое похваляется, что вас одолеет.

Нещепа (добродушно). Можно попробовать.

Брилев. Вот покушаю — давайте.

Первый краснофлотец. Дайте докушать. У него от сала сила нагуливается.

Ставриди. Один знаменитый пижон в старину накапливал силу при помощи средства для рощения волос. А наш пузом набирает.

Смех. Брилев сложил платок и встал.

Брилев. Готово.

Ставриди. Матч русско-французской борьбы Борется одна пара. Чемпион ненормированной ша мовки Самсон Пузанов против покорителя аварий ных пушек старшины Геркулеса — Нещепа. Парад алле!

Смех. Оглядывая друг друга, Нещепа и Брилев берутся за пояса. Вокруг них сжался кружок красно флотцев. Внезапно Нещепа легко отрывает Брилева от земли и мгновенно кладет на спину, под свист и смех.

Первый краснофлотец. Недолго мучилась ста рушка.

Второй краснофлотец. Надо до кока сбегать еще шматок сала схарчить. Не рассчитал чемпион нормы горючего.

Брилев (подымаясь). Нет, это не считается. Я взяться не успел.

Нещепа. Ще хочешь? Можно.

Брилев. Только вы не силой кладете, товарищ старшина. У вас прием секретный. Боритесь по честному, без штучек.

Нещепа. Що брешешь? Сроду никого хитрости не клав. Ну!

Схватываются вторично. Нещепа начинает опять д лать Брилева, но вдруг вскрикивает и с силой отта кивает противника. Брилев, отлетев, ударяется спиной о стенку котлована.

Оце вже не по-людски!

Первый краснофлотец. А что?

Нещепа. В живот коленкой вдарил.

Второй краснофлотец. Эге, Брилев! Силенки нет, так ноги рукам на подмогу позвал.

Ставриди. Матч прекращается по причине обнаружения свинской породы чемпиона Пузанова...

Хохот. Брилев стоит у стенки, потулив голову, красный и возбужденный, и тяжело дышит.

Первый краснофлотец. Вы смотрите! Ей-богу, сейчас заплачет. Дайте кто кусочек сахарку дитяти в утешенье пососать.

Нещепа (добродушно). Тю, дурной! Що ж ты так рассерчал? Сам же навязался. Знав бы я, що ты такой самолюбивый, я б тебе и не трогал.

Брилев. А ну вас всех к чорту! (Быстро направляется к выходу.)

Нещепа. Товарищ Брилев! Куды? Я вас не отпускаю от орудия.

Брилев (угрюмо). Я руку о камень поранил, когда упал. Разрешите пойти иодом смазать?

Нещепа. Покажите!

■

Брилев показывает.

Ну и повреждение! Стыд с такой кошачьей болячкой модперсонал тревожить.

Брилев. Может засориться. Воспаление ~~сде-~~лается — работать не смогу. Разрешите итти?

Нещепа (с у х о). Можете!

Брилев уходит.

Ну и ну! Який характерный. Кто же его знав...
За сценой сигнал воздушной тревоги и крик: «Воздух!
По местам!.. Орудие к бою!

За сценой оружейные удары.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Местность на вершине холма. В глубине сцены каменная гряда, поросшая кустами держидерева, за которым синим огнем сквозит море. Справа домик тип железнодородной будки, под черепицей, с крылечко в три ступеньки. Слева гранитный обелиск с бронзовым орлом на вершине. Посреди сцены большая клумба на зеленом фоне травы выложен из маргариток узор — два скрещенных якоря. Дзюбенко, кражистый крепкий старик, в выцветшей тельняшке с обрезанными рукавами, в широкополом бриле, сивоусый, поливает лейкой цветы. Слышен гул артиллерийского боя.
Вечерет.

Дзюбенко (п р и с л у ш и в а е т с я). Э-ва, как сядят!.. И откуда тот, башенный кобыль, Питлер, и свет народился? Промежду честных людей и такое стерво выросло! Рвать его сразу надо был

корнем, как будяк с клумбы. (Вздыхает.) Эх, куда нынче будет нашим цветочкам. Не доживут, вердешные, короткого своего веку. Принести еще водицы? Пусть попьют вволю напоследок. (Уходит.)

За сценой звенит гитара. Под мотив марша из-за обелиска появляются Ставриди, Брилев и Горячкин. Впереди налегке Ставриди с гитарой, на грифе которой пышный голубой бант. Двое других плетутся за ним, нагруженные лопатами, кирками и связкой разбивочных вешек.

Ставриди (обрывая игру). Дивизия, стой! (Огляделся.) Достигнув неприступной вершины Арарата, усталые альпинисты обнаружили, что на ней не произрастает коньяк той же марки... Обман и реклама!.. Объявляется тихий привал. Развьючивайтесь, одnogорбые!

Брилев и Горячкин сваливают инструмент у подножья обелиска. Горячкин садится на ступеньку и обмахивается бескозыркой.

Горячкин. Ф-фу, упарился... В бане на полке прохладней.

Брилев (читает надпись на обелиске). «Незабвенным дедам — признательные внуки...» Это кому же?

Ставриди. У вас, адмирал, был когда-нибудь дедушка?

Брилев. Как водится.

Ставриди. Так вот—внук вашей бабушки водит вашему дедушке. (Вынимает платок тщательно протирает гитару.)

Брилев. Чудеса! Иной за девушкой так не ухаживает, как ты за своей гитарой.

Ставриди. Вполне объяснимо, поскольку гитара лучше. Она тебе дает какую хочешь ноту, в то время как с девушками получается абсолютно наоборот. Просишь нежного «ля», а получается грубое «ре». А гитара — подруга послушная.

Брилев. Если с гансами до рукопашной дойдет, верно, вместо винтовки гитару возьмешь?

Ставриди. В штыковую я тебя с собой возьму, — посмотрю, как ты звонеть будешь. Своих колечкой поддавать ловок, поглядим, как чужих. А гитару в тихом месте оставляю, и не дай бог немцу мою гитару попортить.

Брилев. Нашел, что беречь. Лишь бы самого не попортили.

Пауза.

Об чем я и думать не могу — это, чтоб мне руку или ногу оторвало. Какая тогда жизнь! А еще хуже, если убьют. Как-то приснилось, что цели мне немец в голову, а я отвернуться не могу. Во вылетит пуля, и смерть моя... Проснулся, а помня мурашки бегут. Ведь как же жаль умереть, не доживши.

Горячкин. Ну и чудной! Помрешь же когда-ни-
удь.

Брилев. То другое дело. Поживешь, сколько
ила твоя вытянет, все изведает, на зуб почув-
ствуешь, устанешь жизнью баловаться, тогда и
орт с ней. А молодым помирать неохота.

Ставриди. Загадочный выкидыш природы! Не то
себя самолюбие поедает, не то себялюбие харчит.

Брилев. А какая разница?

Ставриди. Самолюбие — это когда человек себя
выше всех видит, а себялюбие — когда одного себя
видит, а других вовсе не замечает.

Брилев (презрительно). Объяснил!

Ставриди (вдруг озлился). А я тебе что,
в Энгельсы нанялся, философию объяснять? Ка-
тись со своим организмом! И где вас плодят, та-
ких жоржиков?

Нещепа (входит). Товарищ Ставриди!

Ставриди. Есть!

Нещепа. А ну, давай разбивку робить... (Выни-
мает из кармана листок бумаги.) От-
скажем, в самый раз, де камни, тут треба буде
блиндаж отрывать...

Ставриди. Имеется проект рационализации, то-
варищ старшина.

Нещепа. Ну, чего надумал?

Ставриди. Прошу обратить внимание на данное
сооружение садоводства. (Показал на клум-

бу.) Грунт тут каторжный, а клумбы, между прочим, организуются на взрыхленной почве. Если на шару сажен против разметки двинуть ближе, — по сравнению с вечностью ничто, — а копать куда легче.

Нещепа. А почти толково!

Ставриди. Так я ж только по недоразумению не академик.

Нещепа. Зато заслуженное трепло... Начать работу!

Ставриди. Операция начинается. Ассистент! Подайте ланцет! (Берет у Горячкина вешку, залезает в середину клумбы и вгоняет вешку.)

Возвращается Дзюбенко и, увидя Ставриди на клумбе, роняет лейку.

Дзюбенно. Да это что ж за хулиганство такое. Кто дозволил в цветы лазать. Вмиг долой, а ты покалечу...

Ставриди. Здравс-с-сте! Явление второе! Те же и чучело из загробного мира.

Дзюбенно (хватая стоящие у крыльце вилы). Я тебе покажу чучело, таракан балабайлавский. (Бежит к клумбе.)

Нещепа (загораживая дорогу). Що вы? диду? Белены обкушались?

Ставриди. Не машите вилочкой, дедушка, разва;

литесь. А собрать вас назад нельзя будет, поскольку у нас вашего чертежика не имеется.

Дзюбенко (вырываясь). Я тебя сам на части разберу...

Неожиданно входит Сагайдачный.

Сагайдачный. Что тут происходит?

Нещела. Разрешите...

Дзюбенко (перебивая). Гражданин командир, обратите внимание. Разбой! В государственную клумбу влезли, как слоны топают.

Сагайдачный. Ставриди! Уйти с клумбы! А вы кто, старина?

Дзюбенко. Страж! По правительственному уполномочию стерегу исторические примечательности.

Сагайдачный. Это какие же?

Дзюбенко (торжественно). Видимый здесь гранитный столп в воздаяние доблести российских войск и кладбище воинов, убиенных в обороне места сего от неприятеля.

Сагайдачный (сдерживая улыбку). Серьезная должность... А что вас так разгневало?

Дзюбенко. Помилуйте! Цветы потоптали!

Сагайдачный. А вы любите цветы?

Дзюбенко. А кто ж их не любит? Цветы, что дети. Я, гражданин командир, потому и на немца киплю, что он, сукин сын, деревянная душа, ни

цветка, ни ребенка не любит. Цветок, походя, с пожищем сомнет, ребенка, не глянув, задавит, прочь пойдет. Так на то ж он немец... А тут се безобразят.

Сагайдачный. Так! Детей любите и цветы любите? Значит, хотите, чтоб они у нас росли цвели под солнышком, без помощи? А для этого нужно сейчас клумбой пожертвовать. И не клумбой только... Хатка ваша?

Дзюбенко. Народная... А живу я, это точно.

Сагайдачный. И хатку кинуть придется. Фред подошел, старина. И завтра всякое может быть.

Дзюбенко. Это я понимаю, гражданин команды. Война не пытается, чего человеку хочется. Надо да кинуть — кину. А цветы губить — не дело. Им так недолгий век положен. Пусть живут.

Горячкин. Упрямый дед! По цветам плачет, хаты не жаль.

Дзюбенко. А тебя не спрашивают, несмысл. Жизни тоже жалко, как придет черед с ней пшаться. Да, как ни крути, а косую на кривой, объедешь и от доли не сховаешься... Когда выраться прикажете?

Сагайдачный. Лучше поскорей. Нам тут строить надо.

Дзюбенко. Пойду укладываться. (Уходит домика.)

Сагайдачный. Кому в голову пришло в цветы лезть?

Нешапа. Так то Ставрили надумав блиндажа отрывать середь клумбы, бо земля мягше. А я подарся.

Сагайдачный. Ясно! Как фокус — так Ставриди!

Ставриди. Товарищ старший лейтенант, честное комсомольское — хотел, как лучше. В видах высшей фортификации.

Сагайдачный. Прократить трёп! Клумбы не трогать! Пусть цветет, наломнает море... Товарищ Нешапа, ведите разбивку, а я посмотрю, где тут вола. (Уходит за домик.)

Нешапа. Пошли, хлопны. Начнем издала, с дальномёрного. Товарищ Ставриди, останься тут, шоб старик чего не учудив. Только, гляди, сам не чуди.

Нешапа и Брилев уходят. Ставриди садится на ступеньку обелиска и под гитару тихонько напевает: «Уймись, волнения страсти». Все больше вечереет. Небо потёмнело, море за кустами — лилово. Из домика выскакивает растерянный Дзюбенко. За ним Матрена, энергичная маленькая старушка.

Матрена. Где он, твой командир? Да я сама ему скажу. Да как это можно? Жили, жили и нате — вытряхивайся. Кто ж такой раззор допускает?

Дзюбенко (мрачно). Скажите, Матрена Матвеевна, до Берлина, спросите Гитлера. Он вас прояснит.

Матрена. Ты мне, Роман Михайлыч, глаз не запыливай. Все равно не сдвинусь. Так и объявляю ему. Иди!

Дзюбенко. Пойду, пойду... Вот еще горе мое (Уходит.)

Матрена садится на крылечко и шумно вздыхает.

Ставриди (на мотив романса). Я слышу твои тяжелые вздохи? Чье сердце порвалось на части? Кто вас избил, мамуля?

Матрена (обернулась). Ты еще откуда? Какая я тебе мамуля, щенок черномазый?

Ставриди. Извиняюсь... Из уважения к вашему значительному возрасту...

Матрена. Чихать мне на твоё уважение.

Ставриди. Это, мамуля, некультурно. При помощи чихания переносится грипп и другая зараза.

Матрена. Вот я тебя сейчас приласкаю лопатой, так не обрадуешься, самозванный сыночек.

Ставриди. Замечаю в вашем семействе пристрастие к употреблению садовых принадлежностей не по назначению.

Матрена. Помолчи, говорю.

Ставриди. А петь, извиняюсь, можно?

Матрена не отвечает.

Пение даже дельфины уважают. Еще как я на катерах служил, шли мы как-то из Сочи в Сева-

стополь. Командир патефон на мостик вытащил, вывел лауреатную пластинку с Лемешевым: «Метелицу». Там дельфины просто очумели от радости. Сплылись к катеру, пляшут, чуть на палубу не прыгают, рыла скалят, до того понравилось.

Матрена. Сделай милость, пой, только не ври..

Ставрида врыв начинает играть на гитаре и напевать «Уймись волнения страсти». Возвращается Дзюбенко.

Сказал?

Дзюбенко. Не видать командира нигде.

Матрена. Где хочешь, ищи.

Из-за каменной гряды выходит Сагайдачный.

Сагайдачный. Старина! А где у вас колодезь?

Дзюбенко (хмуро). Колодезя тут нема. Но рыли по причине запрещения начальства, поскольку рядом погребено множество павших воинов...

Сагайдачный. А где ж воду брали?

Дзюбенко. Я на сивке из балочки возил. Там крыница.

Матрена (сходит с крылечка и репитетельно идет к Сагайдачному). Вы, что ль, главный командир?

Сагайдачный (весело). Определенно я...

Дзюбенко делает предупредительные знаки, но Матрена не обращает внимания.

Матрена. Так я вам скажу, что я с этого места шагу не сделаю. Ногами вперед меня вынесут, раньше — ни-ни. Где ж это видано — так людей выгонять?

Сагайдачный. Вас как зовут?

Матрена (о п е ш и в). Меня? Матреной Матвеевнкой кличут.

Сагайдачный. А кто ж вас гонит, Матрена Матвеевна? Вы только примите во внимание, что сюда завтра бомбы начнут сыпаться.

Матрена. Испугалась я ваших бомбов! Полгода вокруг падают. А я тут тринадцать годов прожила и дожить хочу. Все моими руками сделано. Чтоб я это кинула? Ни в жизнь...

Дзюбенко (в и н о в а т о). Гражданин команди не замечайте... Старая, что с нее возьмешь? И скопидомством ушибленная. Мое! Мое!

Матрена. Ты об ком это? На кого сычишь, голяк облезлый? Расходился не в меру!.. Вы землю обстоять не можете, а из-за того народ дома лишайся?

Дзюбенко. Да вы сбесились, Матрена Матвеевна! Командиру и такие слова?

Сагайдачный. Правильно ругаетесь, Матрена Матвеевна! Но сейчас не до спору. Дом все-таки нам занять придется. Чтоб дальше не пятиться, а стать накрепко.

Матрена. А я про дом не прошу. Дом казенный, мне на него тьфу. А садика своего, малинника своего не покину. Я женщина простая, я в сарайчике проживу. И тут и помру, где вся моя жизнь прожитая.

Сагайдачный. Ну, все в порядке. Садиком и малинником не интересуемся. Если не страшно — живите!

Дзюбенко. Матрена Матвеевна! Да вы сообразите. Ведь тут до смертного бою дойдет.

Матрена. А я что, честной смерти недостойна? Воинский конец лучше принимать, чем от хворости кончаться.

Дзюбенко. Ах, ты ж, господи! Гражданин командир, дозвоьте и мне в таком обороте при супруге остаться. Сам я цусимский инвалид, сверхсрочной службы боцманмат. Срожденный севастополец. К данной должности определен по увечью, но душой до флота остался привержен. Тельняшки по гроб не скину. Не откажите, чтоб еще родной земле послужить. До оружия руки мои уже неисправные, так хоть воду вам возить буду. Дайте согласие!

Сагайдачный. Вот как! Значит, и вы моряцкого закала?

Дзюбенко. А как же? Я с броненосца «Князь Суворов». Может, слышали про прапорщика Курселя?

Сагайдачный. Не припомню.

Дзюбенко. Боевой был, хоть не из кадровых. ту пору, как адмирал Рожественский от нас, извините за такое слово, — сбежал, а броненосец вдрызг расшибли, то остались мы с прапорщиком вдвоем при кормовой семидесяти пяти... Гвоздили по японским миноноскам, пока «Суворов» не опрокинулся... Вечная память ему — постоял за Россию.

Сагайдачный. А вы как же?

Дзюбенко. Выплыл, хоть ногу перешибло. Японцы подняли.

Сагайдачный. Хорошо, боцман! Вижу, вы и Матрена Матвеевна — пара дружная... Оставайтесь!

Дзюбенко. Премного благодарю... (Вдруг командным тоном.) А ну, Матрена Матвеевна, хватит лясы точить! Пошли до хаты, соберем, что надо, в сарайчик перетащим. Живо!

Уходят с Матреной в дом.

Ставриди. Стойкий элемент!

Сагайдачный. Коренные севастопольцы! А у них характеры прочные. От камня... Камень кругом. Вот и они каменеют.

Уже совсем стемнело. Небо заливается оранжевым светом восходящей луны. На гребне каменной гряды появляются фигуры краснофлотцев с лопатами и кирками.

Голос. А где тут товарищ старшина со второго?

Сагайдачный. Ставриди! Проводите людей к старшине.

Ставриди. Смело, товарищи, в ногу! (Заиграл на гитаре и ушел с краснофлотцами.)

Сагайдачный отходит в глубину сцены, взбирается на камень. Море озаряется лунным светом. Дрожит на нем золотая дорожка.

Сагайдачный. Эх, как пылает! Червоным золотом!

Пауза.

«Прощай, свободная стихия! В последний раз передо мной...»

Лунную дорожку пересекает темный силуэт корабля.

Вон эсминец в море пошел... Нет, Черное море, не прощаюсь с тобой! Еще встретимся. Не будут немцы твою волну поганить! Не будут!..

Сильный орудейный удар.

Так! Говори! Говори, Севастополь!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ II

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Блиндаж. Тяжелые бревна потолка, стены, обшитые досками. На гвоздях висят плащи, шинели, биндюки. В левом углу две походные койки. Стол сделан из снятой где-то двери, положенной на ящик. Ящики же служат стульями. В правом углу вход — видны уходящие кверху ступени. На одной из коек лежит Каменецкий и читает газету, держа у глаз дамский черепаховый лорнет. На койке еще газеты, покрывающие Каменецкого, как одеяло. На столе кружки, тарелки, бумаги. На очищенном конце разостлана карта. Стоя коленями на ящике, Сагайдачный что-то метит на ней. Керосиновая лампа струит с потолка мягкий желтый свет.

Сагайдачный (с пафосом декламирует). «Война! Подъяты, наконец, шумят знамена бранной чести!» Бранная честь! А? Здорово? (Обычным тоном.) Ориентир номер три — красный камень у развилки тропок... А жаль, что мы разучились торжественным языком говорить. Я вот нашему боцману-водовозу раз позавидовал...

Каменецкий. Например?

Сагайдачный. В тот день, как мы домик под командный пучок взяли. Я его спросил, чем он занят. А он отвечает: «Страж... охраняю видимый здесь гранитный столп в воздаяние доблести российских войск...» Заметь себе: не какой-нибудь сторож, а «страж», и не столб, а «столп»... «Пе» на конце. Так и у Пушкина: «александрийского столпа!» Нынешним поэтам не допрыгнуть. А высокую речь хранить надо. Вот у нас трудные дни. И нужно, чтоб командирское слово могло огнем в солдатское сердце падать. А не так, как мы по стандарту лепим.

Каменецкий. Кстати, ты что нашего поэта терзаешь?

Сагайдачный. Терзаю?

Каменецкий. А как же... Вчера вижу — сидит он с Нещелой под деревом, и тот его обучает морские узлы вязать.

Сагайдачный. Ну?..

Каменецкий. Нещела объяснил, что ты приказал. «Только, — говорит, — у товарища писемника нема морской смекалки. Нияк не визьме в толк, шо есть плоский штык, а шо двойной рыбацкий». А с того семь потов льется.

Сагайдачный хохочет.

Зачем тебе вздумалось его узлами мучить?

Сагайдачный. Пусть попотеет. Злей будет... то приехал отражать... Тоже мне — отсечка-отражатель!

Каменецкий. А юн, право, неплохой парень.

Сагайдачный. Сам знаю. Потому и к делу приступаю. Ориентир номер пять — тополь с отломанной верхушкой... Ты что читаешь?

Каменецкий. Центральные газеты сегодня за нас дело притащили... Хочешь? (Протягивает газету Сагайдачному.)

Сагайдачный берет газету, рассеянно смотрит, вдруг оживляется, отрывает от нее кусок и сует в карман.

Ну, это не дело! Газету же нужно к бойцам приставить, а ты рвешь.

Сагайдачный. А тут как раз то, что одному бойцу очень нужно, а другим не столь... (Взглянул на Каменецкого и фыркнул.) Да чего тебе лорнет идет!

Каменецкий. Смейся! Повезло, что хоть лорнет нашел. И настоящая черепаха.

Сагайдачный. Сам ты — черепаха!.. Ориентир номер девять. Слушай, старик, все забываю спросить — ты где до войны жил?

Каменецкий. В Ленинграде.

Сагайдачный. О! На какой улице?

Каменецкий. Надеждинской.

Сагайдачный. Ну?! Я по ней часто бродил, когда курсантом был. Девушка там жила. Надеждой звали. Вот я всю Надеждинскую в надеждах истоптал.

Каменецкий. Удачно?

Сагайдачный. Нет! Она рыжая была... Красивая, рыжая.

Каменецкий. Разве это препятствие?

Сагайдачный. Я на рыжих издали смотреть люблю. А вблизи боюсь. Когда маленький был, меня рыжая кошка вдребозги подрала.

Каменецкий (рассмеялся). Фантазер!

Сагайдачный. Это во мне есть... А работал ты где?

Каменецкий. Всюду... Последние шесть лет в ТЭЖЭ.

Сагайдачный. Какая же твоя специальность?

Каменецкий. Составитель букетов.

Сагайдачный (поднял голову от карты).
Как?

Каменецкий. Не понимаешь? Я новые духи придумывал. Я — химик по ароматическим веществам.

Сагайдачный (разочарованно). Духи?! Кому нужно!

Каменецкий. Не скажи! Вот ты за рыжей бегал и, наверно, до сих пор ее духов не забыл.

Сагайдачный. Представь, даже не помню, душилась ли она...

Каменецкий. Тогда, во-первых, ты не был влюблен всерьез, а, во-вторых, она душилась не моим букетом. Моих не забывают. А духи всегда влюбленным будут нужны. И ты подумай — во я, немолодой, лысый, некрасивый...

Сагайдачный. Ну, что ты... Вполне в женских еще...

Каменецкий. Не утешай! Не в этом дело. А в том, что я такой, как есть, был для многих тысяч влюбленных незримым чародеем. Я соединял пары, околдовывал ароматами, опьянял.

Сагайдачный. Никак же думал, что ты такой социально опасный тип.

Каменецкий. А сам оставался неведом. А между тем «Красный мак» — это Каменецкий, «Белая ночь» — Каменецкий, «Роза Риона» — тоже я. Мечтаю после войны создать такой букет, что люди плакали, вдохнув его запах.

Сагайдачный. Не нужно! Пусть смеются. После войны вся земля весело жить будет. И духи нужны будут смешные.

Каменецкий. И плакать и смеяться... Плакать от нежности, смеяться от счастья. Я и название придумал: «Заря мира».

Сагайдачный. Неплохо.

Сверху в блиндаж спускается Королев.

Королев. Добрый вечер!

Каменецкий. Добрый вечер! Узлы вязали?

Королев. Нет, сегодня старшина знакомил меня парусным делом... Слушайте, это же чертовски глупо. Как жаль, что корабли перестали ходить, как лебеди с белой грудью. И какие названия!.. Топенат! Крюйс-стенъга! Углегарь!.. Просто голову ошалелый...

Сагайдачный. Заметно... Только, если вы от этого ошаления будете впредь фокусы выкидывать, так я вас вмит обратно в Цуфлот заказной бандеролью.

Королев (о за да ч ен но). Какие фокусы?

Сагайдачный. А кто вчера во время бомбежки на валик выперся и торчал, как скворешня?

Королев. Оттуда же лучше видно. Я всю картину боя мог одним взглядом охватить.

Сагайдачный. Вы будете картины охватывать, а мне, если вас шлепнут, политдонесение писать придется. А это хуже поэмы. Без моего разрешения — никуда!

Королев. Что же мне в блиндаже гнить? Я ничего не увижу. Да и перед краснофлотцами, наконец, стыдно.

Сагайдачный (п о с л е п а у з ы). А вообще объясните, чего ради вас на фронт понесло? Ну, мы — солдаты... Нам по штату положено. А вы? Могли бы сидеть и писать...

Королев. Жидкую чушь, как вы сказали о моей

поэме?.. Покорно благодарю. А что меня толкает приехать — могу рассказать, если интересно.

Сагайдачный. Давайте. Я люблю о человеке знать. Человек — самая занятная механика.

Королев. Жил первые дни войны, как и до и

На столе пищит зуммер. Сагайдачный слышит трубку.

Сагайдачный. «Тюльпан» слушает... Так! Ну послушайте, товарищ техник-интендант! Кто нас начальник связи — вы или я? Так для каких же дьявола вы каждый час спрашиваете у меня советов по вашей технике? Перестраховаться в лапте или в своем деле, как римский папа в талищах стрельбы?.. Ну, и хватит языком вертеть!.. не будет дело делать толком, я вас пришил так, что будете сами, как вымпел, вертеться. (Раздраженно кладет трубку.) Вот жихтиозавра бог послал! Продолжайте, поэт!

Королев. Да, жил, как прежде, — уютно и тихо, не бездельничал. Работал в газетах, на бой звал. Знал, что нужно это, а в душе сосало... Заехал вечером к приятелю. Он «схлопотал» где-то талоны на коньячок, и собралось пять поэтов. Всю ночь пили и спорили. Утром вылез, сел в трамвай. Снег от солнца розовый. Народу еще мало — восьмой час. Напротив довушка-санитарка и с ней разговорный. Видно, она его куда-нибудь на просвечи-

ание или процедуры провожает. Рядом с ним
остыли, а сам худой, кожа на костях, как калька,
росветчивает. Глаза молодые, глубокие и печаль-
ные. Встретились мы взглядом, и вижу, что он на
мою подпухшую от коньячка морду, на красные
глаза не то с презрением, не то с болью смотрит.
Словно сказать хочет: «Вот мы с тобой одно-
летки, может, по соседству росли, одни книжки
читали, об одном мечтали. И я родине молодость
отдал за то, что меня вырастила. А ты, сволочь
здоровая, кровь с молоком, за моей спиной водку
слещешь». И так мне от его взгляда нехорошо
стало, что на первой остановке слез и пешком по-
брел. И никак не могу забыть...

Сагайдачный. Да ничего он о тебе не думал.
Поэтическое воображение.

Королев. Возможно... Пришел домой, лег на ди-
ван и думаю... Дело свое делаю, стихи пишу...
Да то ли это?.. И тут вспомнил еще, как раньше
писатели русские с армией были связаны. Держа-
вин, Денис Давыдов, Марлинский, Глинка... В
одной руке перо, в другой — саблю держали... Лер-
монтов, Толстой, Гаршин... Рядом с солдатами под
пули шли. Оттого и войну знали и душу рус-
ского война... И писали кровью... Это не жидкая
чуть...

Сагайдачный (внимательно слушающий).

вдруг хлопнул Королева по плечу) знаешь, поэт, из тебя толк может быть!

Королев. Бросил все и приехал. И очень р...
Вот сколько раз через Севастополь на пл...
ездил. А теперь понял, что это не просто гор...
а памятник русской славы. В каждом камне — ж...
вая история. Прав Толстой, что здесь проникла
в душу чувство мужества, гордости и кровь б...
стрее обращается в жилах. И за Севастоп...
жизни не жаль.

Сагайдачный. Правильно! Надо было тебе в пл...
лу лейтенантов.

Королев. Просился. Отказали... Литературная
специфика... Сорт волчьего билета.

Сагайдачный. А ты не грусти! Хочешь, я и
тебя тут командира сделаю?

Королев. Я был бы очень вам благодарен.

Сагайдачный. Вот что. Я вижу у нас с тобой
дружба вполне может получиться. Так я друзья
всегда «ты» говорю и от друзей того же требую.

Королев. Хорошо! Ты мне тоже сразу понравился.
С первого слова. Так меня встретил...

Сагайдачный. Невежливо?

Королев. Нет, по-деловому... Дай мне настоящую
работу, чтоб я соглядатаем не слонялся. Приставь
снаряды подавать, что ли?

Сагайдачный. Зачем? Умней дело найдем. Ты
кроме стихов, что можешь?

Королев. Как?

Сагайдачный. Ну, так... Вот Каменецкий в миру такую странную профессию имел — влюбленных духами одурял...

Каменецкий (смеется). Не дашь мне теперь покою!

Сагайдачный. А ты какую-нибудь профессию знаешь?

Королев. Вот то-то и беда, что нет. Могу инструктором спорта...

Сагайдачный. Несвоевременно.

Королев. Вот разве еще по телефонам работал.

Сагайдачный. Это как понять? Крадеными телефонами торговал, что ли?

Королев. Да за кого ж ты меня принимаешь? Просто интересовался еще со школы. Любил у знакомых чинить, когда портились. Сначала в лоск доламывал. Потом научился. И еще на радио был помещан. Каких только приемников ни делал! Только соберу, а тут уж все новое. Разломаю и снова. Любую схему...

Сагайдачный. Шары на стоп! Что ж ты, чорт, все вокруг да около, а о главном молчок? Радист? Так ты мне вроде архангела Гавриила. Мне начальника связи подсунули — ископаемое. Сам сейчас мой разговор слышал. Займись-ка!

Королев. А вдруг я тоже плохой буду.

Сагайдачный. Будешь портачить — душу, вы; верну. Согласен?

Королев. Согласен.

Сагайдачный (берет телефонную трубку). Дайте «Глицинию». Товарищ техник-интендант. Сейчас к вам прибудет радиоинженер... (угрожающе подымает кулак на протастующий жест Королева) ...радиоинженер товарищ Королев. Вводите его в работу, он вас сменил. (Кладет трубку.)

Королев. Ты с ума сошел! Какой же я инженер?

Сагайдачный. Ничего! Пусть сразу тебя боится. И ты на него басом... Можешь итти...

Королев. Есть итти!.. Ну и дела! (Уходит.)

Каменецкий (хохоча). Совсем загнал парня...

Сагайдачный. Я тебе говорю, из него толк будет. Искра есть. А впрочем, поможем. По морскому закону: все за одного, один за всех.

Наверху голоса, и в блиндаж спускаются Горячкин и Шарabanов в маскировочных плащах, с автоматами.

Горячкин. Разрешите, товарищ старший лейтенант!

Сагайдачный. А, следопыты! Здоровы? Не поцарапались?

Горячкин. Зачем? Немцев поцарапали — сами целые. Разрешите обратиться к товарищу лейтенанту?

Сагайдачный. Обращайтесь.

Горячкин и Шарабанов переглядываются.

Шарабанов. Ты говори, Миша.

Горячкин. Ладно, Сережа. (Достает какой-то сверток.) Товарищ лейтенант, не откажите принять: От всех ребят.

Каменецкий. Что это? (Разворачивает сверток на столе и вынимает из него пару за парой очки.) Очки?.. Откуда? И зачем столько? Сколько, по-вашему, глаз у меня, ребята?

Горячкин. Четырнадцать пар, товарищ лейтенант. Пятнадцатую Сережа поломал... Возьмите. Знаем, что вам нужно, а какие — не знаем. Выберите.

Сагайдачный (заинтересовался). Да где вы их добыли? (Рассматривает очки.)

Горячкин и Шарабанов переглянулись.

Ну, Шарабанов!

Шарабанов молчит.

Горячкин. Сережа очень застенчивый.

Сагайдачный. Зато Горячкин этой болезнью не страдает. Так откуда очки?

Горячкин (уклончиво). Там.. за Бельбеком В деревне аптечка, а аптекарь знакомый. Уйти немца не успел, а товар припрятал.. Ну, и д по знакомству.

Сагайдачный. М-гм... Занятно!.. В деревенск аптеке очки с дрезденским штампом?.. Что ж черти, думаете, лейтенанту очки достали, а м вопрете?.. Каменецкий, знаешь, откуда очки? Э они, жулье, ночью в немецком тылу лазили, гансов сдирали. Что, неправда?..

Молчание.

Так вот зачем вы в разведку просились? И артисты!

Горячкин. Отрицать невозможно, товарищ командир батареи. Мы еще вчера палатку ихнюю пр метили.

Шарабанов (хмуро). Если б сказать за чем вы б не пустили.

Сагайдачный. Ясно! Большие успехи, Шарабанов. Значит, мои уроки усвоены?

Шарабанов. Так точно, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. А теперь жмите отсюда на пную картопушку до шплинта, пока я не рассердися... Брысь!

Шарабанов и Горячкин (весело). Есть брысь

Исчезают.

Сагайдачный (смеется). Вот ловкачи! Поздравляю, старик! Твое счастье, что у немцев полармии слепцов. Лорнет сбереги невесте.

Каменецкий (взволнованный). Нет, это что же? Подумать, что ради этих дурацких стекляшек... А я и спасибо не успел сказать.

Сагайдачный. А ты думал? С такими не то, что немца бить, а сквозь земной шарик пролезть возможно.

По ступенькам быстрые шаги.

Нещепа (вбегая). Товарищ командир батареи! Немцы до чорта ракет жгут. Прямо фейерверк! Что-то затевают.

Сагайдачный. Поглядим... Кстати... (Вынимает из кармана кусок, вырванный из газеты.) Возьмите это... Будете проводить беседу — прочтете. При Шарабанове... Будто незначай. Понятно?

Нещепа. Так точно!

Сагайдачный. Пошли! Каменецкий, надевай очки, какие нужно, а то все сразу. Седьмое небо увидишь. (Идет к выходу.)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка третьей картины первого действия, но значительно изменившаяся. На домике Дзюбенко вместе черепицы тройной накат, прикрытый землей и маскировочной сетью. От домика тянутся провода через сцену. У каменной гряды в глубине козырек над входом в блиндаж. Под ним на подпоре телефонный аппарат корабельного типа. Рядом с козырьком установка пулемета ДШК. Обелиск разбит попаданием куски гранита валяются у постамента. Не изменилась только клумба. Белые якоря цветут на зеленом фоне. Горячкин и Шарabanов возле пулемета играют в шашки. У домика на опрокинутой табуретке стоит корытко. Матрена, засучив рукава, стирает в нем. Из-за домика выходит Дзюбенко в примятой старой бескозырке с потускневшей надписью на ленте «Князь Суворов». Опять вечер. Беспокойный огненно-красный закат.

Шарabanов (двигая шашку). А мы сюда!

Горячкин. Торопится твоя шашка в дамки. Серьеза. А в раннем возрасте замуж вредно. (Берет шашку.)

Шарabanов. А мы с другой стороны.

Горячкин. А мы и эту Анету — хлоп по берету!

Дзюбенко берет промазанный медный чайник и направляется за сцену.

Матрена. Опять туда тащишься. Роман Михайлыч?

Дзюбенко. И что это у вас за привычка, Матрена Матвеевна, лишние слова говорить? Абы сказать, чтоб язык без работы не завял... Тащусь!

Что ж, по-вашему, людям на наблюдательном сутки томиться, чайком не прополоснувшись? Вас бы туда, что б вы заехали?

Матрена. Подшибут ведь...

Дзюбенко. Что? А ну, сплюньте! Сей миг, говорю, сплюньте!

Матрена сплевывает.

То-то! Эж угораздило под руку сляпать! Подшибут! Не отлита еще пуля на боцмана Дзюбенко. Заместо лишней болтовни обобрали бы червяка со своей смородины. Всю обсыпал...

Матрена. Ах, треклятый! Сейчас побегу. А ты, Роман Михайлыч, все-таки поберегся бы...

Дзюбенко. Я с умом хожу. Сам знаю: бережного пуля бережет. (Уходит.)

Вытерев руки фартуком, Матрена семенит за домик. Горячкин поглядел ей вдогонку и встал.

Горячкин (таняственно). Сережа!

Шарабанов. Чего?

Горячкин. Старуха ушла... Будет теперь в смородине копать, червяков шарить... Постой на стрёме!

Шарабанов. А ты что затеял?

Горячкин. Пока ее нет — тельняшку простирну. По матросскому обычаю, на случай помирать, так в чистой. А она такая ужасная струшенция, ни

за что корыта не даст. Старшина кастрюльку и час просил — так нет... Пропадет! Спортится!

Шарабанов. Посторогу. Только на все моторы включай, а то застучает — она тебе в карбюратор горючего поддаст. (Отходит к краю сцены у домика.)

Горячкин; быстро сорвав тельняшку, начинает спешно стирать ее в корыте. Из-за обломков обелиска выходит Сагайдачный.

Сагайдачный. Орлы! Старшину не видали?

Шарабанов. Он на дальномерном.

Сагайдачный. Понятно. (Уходит за домиком.)

Шарабанов смотрит вслед ему.

Горячкин. На кого засмотрелся, Сережа?

Шарабанов. Знаешь, что я тебе скажу? Если мне за товарища командира батареи помереть прикажут, помру, воскресну и снова... Сколько раз нужно будет, столько помру.

Горячкин. Это, браток, не выйдет. Больше раза не удастся. Смертной нормы больше нам не положено.

Шарабанов. Когда я сомдел в ту бомбежку, чем он меня выправил? Не грозой, не наскоком — тихим словом. Объяснил мне, чтоб я верно себя поведи мог. И после не оставил. Давеча, помнишь, старшина беседу проводил. И прочел про того молодого краснофлотца, что насквозь раненный от пушки не пошел. Я вижу, у старшины газета не

...дал, а так — вырвычек. Я и смекнул, что вырвычек тот старшине командир нарочно дал, чтоб меня еще раз поддержать. Вот какая у него острая дума.

Горячкин. Да, он такой. И храбрости сверх понимания. Ты ж подумай, как он на торпеду пошел! Торпеда летит, воду роет, пенится — сама смерть идет. А он на ту торпеду, не моргнув, корабль повел. Себя не пожалел, чтоб других выручить.

В начале реплики Горячкина возвращается не замеченная обоими Матрена. Остановилась и смотрит на Горячкина. Шарбанов оглянулся.

Шарбанов (испуганно). Миша!

Горячкин (увидал и замер с тельняшкой). Эх! А еще часовой!

Матрена (шагнула к Горячкину). Ты что ж это, щенок, самовольничаешь?

Горячкин. Я ничего... я только тельняшечку...

Матрена. А ну, дай сюда!

Горячкин (прижимая тельняшку). На что?

Матрена (вырывает). Дай, говорю! (Разглядывает.)

Горячкин (шопотом). Рожу тебе мало свернуть, Сорезжка! Матрена Матвеевна, отдайте! Честное слово, не нарочно!

Матрена. Дурень косорукий! Разве так рают? Грязь только размазал! (Бросает в рывто тельняшку и трет.)

Горячкин. Так она уже чистая.

Матрена. Много ты понимаешь! И скажи — что ты передо мной хвостом колишь? Что так бел?

Горячкин. Характер у вас строгий, Мат Матвеевна! А у нас и без того сердце горит, и горчицей намазанное. Нас пожалеть надо.

Матрена. А я, думаешь, не жалею? Говоришь характер строгий? А у меня вовсе строгости ни и напрасно вы меня за бабу-ягу считаете. Я то ко порядку люблю. Век в порядке прожила — теперь не переделаться. Ты возьми, что надо, да на место положи, да чистенько. А вы, молодцы до порядка не приучены. Иной раз нагляжусь на вас за день, а ночью плачу.

Шарабанов. Плачете?

Матрена. Плачу. Растили вас отцы-матери и молодую радость, на честный труд. А что вышло! Вперся разбойник этот, псюра немецкая, прост господи! Бомбами кидается, огнем пышет, жже вашу молодость. Как же не плакать?

Шарабанов. Всех не пожжет! Сам золой отлеет

Матрена. А сколько вас до того в могилу ляжет родные вы мои деточки! Смотрю на вас, думаю лучше б мне, старой, в землю, а вам радоваться.

(Вдруг закрыла лицо фартуком и всхлипнула.)

Горячкин (Шарабанову). Ну, смотри, как расстроилась.

(Появляется Ставриди с гитарой и видит плачущую Матрену.)

Ставриди. Не плачь, дитя, не плачь напрасно...

Шарабанов (машет на него). Брось, Костя... Разволновалась наша мамаша.

Ставриди (грозно). Кто посмел расстроить мою мамулю? Кому голову отвинчивать?

Матрена (вытирая слезы). Никто не обидел... Так!

Ставриди. Не проливайте, мамуля, кристальных слез перед бесчувственными чурбачами. Вот если б из ваших глазок шла слеза кристально от четырнадцати до сорока градусов, они б ее вмиг утерли.

Матрена (улыбаясь). И откуда ты такой веселый?

Ставриди. С самой Балаклавы. У нас все так же, оттого, что скумбрию едят.

Матрена (дает тельняшку Горячкину). Тельняшечку возьми!

Горячкин. Спасибо, Матрена Матвеевна!

Матрена уходит.

Шарабанов. Поди ж ты... Думали, укусуная рушка, а она как за нас разболелась...

Из-за камней появляется Дзюбенко, чертых на ходу.

Дзюбенко. Чертяка б вас взяла и в три р скрутила! Подавиться вам, струкачи тонконог!

Ставриди. Кому это вы, товарищ боцман, а ровья желаете?

Дзюбенко. Немцам, чортову племени! Не дали ребятам дойти. Сьпнули с пулемета — слышу «дзень», и ногу, как углем, прищипарило. Дум подбили, гляжу — из чайника кипяток стру. Чайник изгадили, анциферовы дети! В чем тепе чай носить? А все Матрена Матвеевна накаркал «Подшибут»!.. Вот и подшибли. (Уходит з до м и к.)

Горячкин. Пошли, Сережа!

Шарабанов и Горячкин уходят в блиндаж камней.

Ставриди (садится на крылечко д мика, трогает струны и поет).

Глядя на луч пурпурного заката,
Слышал подбитый русской пулей фриц:
«Майн готт, майн готт! Умчался без возврата
Тот сладкий миг, когда я начал «блиц»...

Из-за обелиска выпел Королев и слушает

Королев (расхохотался). «Что за ерунду вы поете, Ставриди?»

Ставриди. А, это вы, товарищ писатель! Да вот старые песни надоели — новые выдумываю. А таланта на это от природы и родителей не наследовал. (После паузы.) Вы бы, товарищ писатель, сочинили песню про нашу батарею. Такую песню, чтоб от нее снаряды сами в пушки прыгали и без промаха били. А мотив я подобрал бы. На музыку я способный.

Королев. Это не просто — хоршную песню написать.

Ставриди. А вы потрудитесь. Возьмите карандашик и пострадайте. Зато потом здорово будет. Пойдет гулять песня по Севастополю, через немца перескочит, пролетит по фронтам, всю Россию обойдет. Девушки петь станут. Спросят: о ком песня? О славной зенитной батарее товарища Сагайдачного. А кто ж написал эту чудную песню? Товарищ писатель Королев, который сам с той батареей...

Королев. Вы так увлекательно рассказываете, что надо попробовать.

Ставриди. Обязательно должна выйти.

Из-за домика выходит Сагайдачный.

Сагайдачный. Товарищ Ставриди! Срочно разыскать Горячкина и доставить сюда.

Ставриди. Есть доставить Горячкина. (Убегает.)

Сагайдачный (Королеву). Подымаю тебе сигнал: «Адмирал выражает особенное удовольствие **Королев.** Это по какому случаю?

Сагайдачный. Можешь порадоваться. Сам начальник тебя похвалил. Сейчас с ним по телефону беседовал. «Наконец, — говорит, — у вас, Сагайдачный, связь в порядке, а то потом изойдешь, поди с вами свяжешься...» Спасибо за работу... Даже не ждал от тебя такой прыти... Ты что тут с Тартаренсом делал?

Королев. Он меня упраскивал песню о батарее написать.

Сагайдачный. Смотри! Трещло, а дело придумал. Напиши! Ты и не знаешь, как хорошая песня в бою помогает.

Королев. А, по-моему, ты о Ставриди не совсем правильно думаешь. Он мастер потрепаться, но есть в нем и настоящее. Одной удали на троих.

Сагайдачный. Открыл Америку! Я его насквозь знаю. Сейчас увидишь, как я его на пушку самолюбливать буду. Он мне на серьезное дело нужен. Так я его сперва до белого накала доведу, а потом он из ровности на стенку полезет.

Входят Ставриди и Горячкин.

Ставриди. Товарищ командир батареи! Красно-

флотец Горячкин доставлен мною по вашему приказанию.

Сагайдачный. Горячкин! Пойдешь ночью в дело!

Горячкин. Есть, пойти в дело.

Сагайдачный. Подберешь еще двоих. Таких, чтоб местность знали.

Горячкин. Понятно.

Ставриди. Значит, первым делом Ставриди.

Сагайдачный. Нет, Ставриди не годится.

Ставриди (в о з б у ж д е н н о). Товарищ старший лейтенант! Если уж Ставриди не годится, так кто ж после этого годится?

Сагайдачный. Не разрешаю. Мне для этого дела нужны серьезно и выдержанные бойцы, а у вас голова ветром набита, и черт знает, что вы можете выкинуть. Вас не пуцую.

Ставриди. Товарищ старший лейтенант, вы ж понимаете, что делаете.

Сагайдачный (с притворным гневом). То есть?

Ставриди. Это ж будет, как если б вы мне перед всей батареей в морду харкнули. На меня пальцами будут показывать. Вот идет Костя Ставриди, его командир батареи за последнюю сволоочь считает, дела не доверяет...

Сагайдачный. А разве вам можно доверить?

Ставриди. Товарищ старший лейтенант! Если вы меня так обидите, мне лучше в первом бою

под бомбы лочь, чтоб меня гансы на шматки разодрали...

Сагайдачный. Хорошо. Даю вам экзамен на зрелость. Не выдержите — кончено. Больше моего доверия не имеете... Кого еще возьмешь, Горячкин?

Горячкин. Есть мысль на примете, да не знаю — сказать ли?

Сагайдачный. А ты возьми за правило — не знаешь, всегда говори. Два ума лучше.

Горячкин. Я про боцмана подумал.

Сагайдачный (изумленно). Про Дзюбенко?

Горячкин. Ага!

Сагайдачный. Дай-ка я тебе лоб пощупаю. Ничего жар?

Горячкин. Погодите, товарищ старший лейтенант; потом против скажете, а то я перепутаюсь. Первое: он, хоть старый, а бодрость еще большую имеет. Потом же на этих горжах сколько отходил. Каждая шелинка ему известна... А (сверх того ему и дела немного будет. Только провести, куда надо. А дальше мы вдвоем управим...

Сагайдачный. А как его послать — подумал? Он не боец.

Горячкин. Да ему только сказать. Старик в раж вошел, все думает, как бы ему с гансами нос к носу сойтись. Он еще вполне может показать, как старый матрос драке обучен.

Сагайдачный. Задача трудная! Раздолбать немецкий наблюдательный пункт в пещерном городе. Они, прохвосты, там в двухэтажной пещере обоживались. Нас, как с неба, видят, а нам их за толщей не взять. Придется по обрыву взлезть и подпустить им гранаток... Вот как!

Горячкин. На такой случай старик — клад. Все тропочки сам облазил.

Сагайдачный (задумался). А может, и в самом деле. Ступайте пока, готовьте, что нужно, а Роман Михайлыча попросите сюда.

Ставриди и Горячкин. Есть!

Уходят.

Совсем стемнело. Сцена освещается дрожащим красным светом.

Королев. Опять горит в Севастополе. Вот зарево какое...

Сагайдачный. Да, горит!.. Каждый день жгут и рушат... Вот... (показывает) памятник разбили. Нашим дедам памятник... Тут и мой дед, нахимовский грот-марсовый, где-то лежит... Сколько лет памятник стоял, о севастопольской славе рассказывал. И еще стоял бы...

Пауза.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа»... И к этому тропка была проложена.

Королев. Ты мне при первом знакомстве сказа-
что в литературе не смыслишь. А сам Пушкин
каждый день вспоминаешь.

Сагайдачный. Врал, потому что не знал, како-
ты. Думал — смеяться будешь, что моряк стихам
бредит. Я поэзию сильно люблю... А Пушкин
всего больше... Да, нерукотворна наша русская
слава, поэт! И пусть немцы из кожи лезут, чтоб
ее с нами вместе выжечь, — не выйдет! Еще века
протекут, и от самого слова «Гитлер» вонь на
земле выветрится, а наша слава будет стоять.

Появляется Дзюбенко.

Дзюбенко (в х о д я). Кликали, товарищ, командир?

Сагайдачный. Да, простите за беспокойство,
боцман.

Дзюбенко. Какое ж беспокойство! Для вас всегда..

Сагайдачный. Не для меня на этот раз. Роман
Михайлыч! Для всех! Для Севастополя!. Я своих
орлов на одно дало шлю. Рисковое дело, боцман!
Голову оставить можно. Нужно пройти до места
тихо и незаметно. Такого человека надо, чтоб в
пути мог каждый листик по имени окликнуть.
Так орлы сами о вас вспомнили... Что скажете?
Можете сразу сказать: «нет». Вы не батарец и
летами...

Дзюбенко (п е р е б и в а я). Извините, товарищ
командир. Может, не по уставу-положению скажу;

не взыщите, а только вам обо мне так полагать стыдно...

Сагайдачный. Роман Михайлыч, да я...

Дзюбенко. Нет, уж дайте досказать, я вам в отцы тожусь. Коли вы меня к себе приняли, то надо меня и понимать. Русский человек, товарищ командир, он перед другими народами особую душу имеет. Если родная земля на подмогу зовет, ничто его не удержит. Стар — не стар, без рук, без ног, а пойдет и дойдет. Так-то!

Сагайдачный. Точка, Роман Михайлыч! Сглушил я по молодости. Больше не буду. К полночи будьте у меня. Расскажу, что и как.

Дзюбенко. Не сомневайтесь. Дело свое сполню. Есть еще малость силенок. (Уходит.)

Королев. Смотри! Пожар все больше.

Сагайдачный. Ничего! Надо выдержать. Все выдержать. Запомнить и отплатить. Главное — отплатить. Очень мы были незлобивые и короткопамятные на зло. Теперь не простим. Заставим их, проклятых, кровью плакать. Заставим канново отродье в гробах от страха вертеться.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Внутренность пещеры, высеченной в ижеомаанском камне, каких много вокруг Севастополя. Закопченный свод. На стене в византийском резном орнаменте крест, какие-то врезанные в камень греческие имена. Возле креста висит на крюке электрический фонарь, который бросает из-под козырька вниз довольно яркий круг света. Этот свет падает на сидящего у стены Ставриди и прислонившегося к его плечу Дзюбенко. Полукруглый свод выхода из пещеры открывается прямо в темносинее звездное небо. Там стоит немец-солдат, опираясь на винтовку. В стене чернеет ниша, и в ней видны ведущие вверх каменные ступени.

Дзюбенко (тихо). Костя!

Ставриди. Что?

Дзюбенко. Виноват я, Костя!. Сгубил все. Вас подвел и себя перед командиром осрамил.

Ставриди. Не каючыте, боцман! Какая ваша вина? Из-под всякого камень мог вывернуться. Если б задания не выполнили... А раз немцу бабку свернули, о своих волосах плакать нечего.

Дзюбенко. Мне, Костя, только чтоб командир обо мне плохо не думал.

Ставриди. А зачем ему плохо думать? От него в тайне не будет.

Дзюбенко. Миша ушел, думаешь?

Ставриди. Надо думать... А то сидел бы с нами... ждал немецкого угощения.

Часовой (повернувшись). Русс, ништ шпрехен!
Мольтшать!

Ставриди. Иди ты к чертовой матери, обезьяна.
Без тебя дышать гадко!

Часовой. Их верде шиссен! (Вскладывает
винтовку.)

Дзюбенко (шопотом). Молчи, Костя. Не торо-
пи смерть!

Пауза. Из ниши, спускаясь сверху, появляется Шау-
фельд в сопровождении Линке. Шауфельд — вы-
сокий, худой, с лицом немецкого заурядного чиновни-
ка. Левая рука у него на перевязи, сквозь бинт просту-
пило свежее кровавое пятно. Линке — квадратный,
красномордый, стриженный бобриком.

Линке (порусски). Пленные, встать!

Ставриди медленно подымается. Дзюбенко остается
сидеть.

Я сказал — встать!

Ставриди (зло). Не может старик! Нога у него
разбита!

Линке. Пленные, — больные или здоровые, —
должны стоять перед германским офицером. (По-
дымает ногу, собираясь толкнуть
боцмана.)

Шауфельд. Линке!.. Это что? Отставить! Пусть
старик сидит. Он потерял много сил в бегстве.
Ему нужно отдохнуть, и развяжите обоим руки.

Линке. Осмелюсь...

Шауфельд. Я напоминаю вам, Линке, что в присутствии офицера ваш голос может звучать лишь тогда, когда я этого захочу. Развязать!

Линке распускает шкеры на связанных за спиной стях Ставриди и Дзюбенко. Дзюбенко, шатаясь, все м, держа ногу навесу, прислоняется к стене.

Вы напрасно бстали. Я разрешил вам сидеть.

Дзюбенко. Я уж лучше постою.

Шауфельд (Ставриди). Вы показали се превосходными солдатами. Так разнести наш и блюдательный пункт, как вы умудрились это сделать, — очень чистая работа.

Ставриди. Как приказано — так и сделано. Тако у нас правило.

Шауфельд. Дельное правило! Жаль, что не удалось взглянуть на вашего третьего компаньона.

Дзюбенко (шопотом). Ушел Миша, значит...

Шауфельд. Вы можете говорить громко, — это меня не беспокоит... Да, он ушел, но тем приятней видеть вас двоих.

Ставриди. Сомневаюсь в удовольствии.

Шауфельд. Почему? Не каждый день удается видеть людей, которые десять минут назад чуть не отправили самого тебя на тот свет.

Ставриди. Если бы вы попали на тот свет, я вас там не разыскивал.

Шауфельд. Вероятно! Но на этом свете я вас нашол. Линке!

Линке. Да, херр хауптман!

Шауфельд. Дайте на чем сесть! Голова кружится!

Линке придвигает ящик.

И уберите этого болвана! (Кивнул на часового.)

Линке (часовому). Аугуст, ду кэннст хераус гоен!

Часовой отходит от выхода и скрывается в нише.

Шауфельд. Так, господа моряки, приступим к деловой беседе. Вы, вероятно, полагаете, наслушавшись сказок, что вас сейчас будут пытаться, резать на куски и прочее. Вздор! Я скажу вам несколько слов. Если вы способны здраво понять их, вы будете в полной безопасности. Если не поймете, я принужден буду вас убить. Вы меня понимаете?

Ставриди. На сто процентов. Это, ж понятно, что вы будете убивать нас по принуждению. Если б вас не принуждали к убийству, вы накормили бы нас шоколадками и спели колыбельную песенку?

Шауфельд. Возможно! Начнем! От вас требуются прямые и откровенные ответы на некоторые вопросы. Я буду убеждать вас в полезности разумного поведения не столько рассказом, сколько

показом, как рекомендовал ваш генерал Драгров в «Солдатской памятке»... Линке!

Линке. Я, херр хауптман.

Шауфельд. Взгляните на Линке.

Ставриди. Паскудный пейзаж!

Шауфельд. Кто такой Линке? До войны он вашим соотечественником. Он жил в России и был колхозником во Фрайдорфе. Не правда ли, прекрасное название для советской деревни? Фрайдорф — свободная деревня. Линке был образцовым колхозником. Правда, Линке?

Линке. Да, херр хауптман.

Шауфельд. Каждый год он сдавал государству больше продуктов, чем от него требовали, и получал премии. Но в душе Линке хранил верность настоящему отечеству — Германии. Верно, Линке?

Линке. С позволения херр хауптмана.

Шауфельд. Именно с позволения. Ничего без моего позволения! Двадцать пять лет Линке ждал Германию. И дождался. Он награжден. Он имеет чин обер-ефрейтора, а это очень много в германской армии. Он будет иметь больше после войны. Что вы будете иметь, Линке?

Линке. С позволения херр хауптмана, фюрер даст мне земли Фрайдорфа.

Шауфельд. Да, земли плохих немцев, но ждущих Германию. Линке будет помещиком. По рус

ской поговорке он сосал двух маток и выиграл... Я предлагаю вам решить: хотите ли вы выиграть, как Ливке, или проиграть?

Ставриди. Частный вопросик... Что я выиграю, если захочу проиграть?

Шауфельд (взглянув на часы). Сейчас два пятнадцать... Если через пять минут вы захотите проиграть, вы сыграете в гроб... иди гробен!

Ставриди. Уяснил! Тогда спешите звонить в похоронное бюро, а то мне не успеют сколотить гробик с розовой обшивочкой, а на другой я не согласен.

Шауфельд. Ваш ответ мне ясен... А вы, старый человек? Хотите выиграть или проиграть? Подумайте! Старая голова не жидает сдуру слов.

Дзюбенко. Очень хорошо по-нашему говорите, господин офицер.

Шауфельд. Я работал в нашем представительстве в Петербурге, а русскому языку учился у вдовы московского дьяка.

Дзюбенко. Если вы так с нашим языком справляетесь, то должны вполне меня понять... Вы когда-нибудь флотского киселя отвеदывали?

Шауфельд. Кисель — это немецкое блюдо. Но я ол его и в России. Однако что такое флотский кисель — не знаю. Вероятно, это очень специальное блюдо?

Дзюбенко. Так точно! И хотите, не спробовать флотского киселя, купить флотского боцмана? Так раньше спробуйте! (Сдвигает шаг вперед, плюет в лицо Шауфельду.)

Ставриди. Ай, боцман!.. Наша марка.

Линке (кидаясь на Дзюбенко). Грязная свинья!

Шауфельд (спокойно). Отставить, Линке! (Достает платок и медленно вытирает лицо.) Я хотел испытать вас, старик! Вы — хороший подданный вашей страны. Но флотский кисель — плохое блюдо. Вы, русские, привыкли угощать дрянью. Однако у меня правило — платит за угощение. (Опускает платок в карман и, быстрым движением вырвав писглет, в упор стреляет в Дзюбенко.)

Тот падает.

Ставриди (рванул ся). Гад!.. Подлюга!.. Что делаешь?

Линке хватает Ставриди сзади за локти.

Шауфельд. Не вырывайтесь! Линке очень силен. Не забудьте, что он вырос на настоящей колхозной пище, а не на суррогатах, вроде флотского киселя... Линке, отведите его к обрыву.

Линке ведет рвущегося Ставриди к выходу из пещеры.

Так! Поставьте у края! Я предпочитаю пристрелить его издали, чтобы не рисковать вторично русским хлебосольством... Моряк, вы можете выбирать свою смерть. За спиной у вас десять метров обрыва и камни. Перед глазами мой пистолет. Считаю до десяти... Линке, отойдите к степю!

Линке отходит.

(Подымает пистолет.) Раз...

Ставриди (одним взмахом раздирает на груди форменку.) На, стреляй! Чего ты захотел, немец? Чтоб я, Костя Ставриди, балаклавский рыбалка, краснофлотец, испугался твоей пули? Чтоб ты ~~у~~ сказать, что советский моряк сам покончил с жизнью от страха?.. Стреляй, гнилая медуза!

Шауфельд. Два... Три... Четыре!

Ставриди. Быстрей считай, стерва! Арифметику забыл?

Шауфельд. Пять! Шесть! Семь!

Внезапно за обрывом недалекий выстрел. Шауфельд пошатнулся, пистолет выпадает из его руки, он хватается за голову и падает ничком.

Линке (ошолобенев). Майн готт!

Ставриди (в неистовом восторге). Мишка?! Друг!.. Вот это работка! Крой дальше!

Линке (бросаясь к Ставриди, хватается за кобур). Молчать, скотина!

Ставриди врезанным прыжком налетает на Линке, ной рукой хватает его за руку, достающую пистол, другой стискивает горло.

Ставриди. Стой, телка двухмастная! Двух мат сосала?.. Землицы тебе надо? Гайда вместе землю!

На краю обрыва жестокая, молчаливая борьба. Дв немецких солдата врываються из ниши в ле щеру и застывают в изумлении.

Прыжок из-под купола! Первый раз в здешне цирке... Алле гол!

Дает подножку Линке, и оба исчезают за обрывом. Ринувшиеся к обрыву солдаты, оцепенев, смотрят вниз.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ III

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Обстановка первой картины второго действия. Блиндаж. У стола навтыяжку перед рассерженным Каменецким стоит Брилев. У Каменецкого очки сползли на кончик носа, от этого он задрал голову и похож на обозленного петуха.

Каменецкий. Я не желаю слушать никаких оправданий! Вы доставили табак или не доставили табак?

Брилев. Так, товарищ лейтенант, минами же по дороге пемед-кроет — проезду нет. Я и решил: чем коня и повозку под мины гнать, пережду до ночи, пока стихнет.

Каменецкий. Моня не интересуется, что вы решили. К вечеру табак разберут весь, оставите товарищей без довольствия, тогда что?

Брилев. Какое ж табак — довольствие, товарищ лейтенант? Была б пища...

Каменецкий. Вы курящий?

Брилев. Нет.

Каменецкий. Так лешего вы понимаете в так деле. Кто курит, тому без табаку хуже, чем б хлеба... А вы только о себе думаете. Ступайте, я деть вас не хочу.

Брилев. Я ж ночью поеду.

Каменецкий. Не нужно, я кого-нибудь поверне пошлю. Можете быть свободны...

Б р и л е в уходит.

Вот чорт! В самом деле детишки мои без курэ сядут. А время настает острое... (Берет телефонную трубку на столе.) Сосдините-ка меня с базовой, да только без всяких заземлений и хрюканий... Базовая? Начальника продотдела Товарищ Дорохов? Лейтенант Каменецкий с двадцать первой... Здравс-те! Я со слезной просьбой подзадержите для наших табачку... Очень прошу... А то со всей батаресей приду выдирать... Ладно! Спасибо, только не подводите... Ну, вот и спас положение! (Кладет трубку.)

В конце разговора в блиндаж спускается М а т р е н а. Она в черном платье, голова повязана черным платочком. В руках у нее корзиночка.

Матрена. Можно, товарищ командир?

Каменецкий. Что за вопрос, Матрена Матвеевна Вам всегда можно. Что это у вас?

Матрена. Товарищу командиру и вам угощенье Первой малинки кузовок собрала. Не побрезгуйте

Наменецкий. Да зачем? Сами бы кушали!

Матрена. Неохота! (Утерла глаза.) Роман Михайлыч вот малинку любил. Особенно, если с чайком.

Наменецкий. Не убивайтесь Матрена Матвеевна... Слезами не вернешь, а Роман Михайлович гордо жизнь отжил. Настоящим моряком.

Мат. Я не убиваюсь. Хоть и больно, но я Ромуша передо всеми горжусь. При Цусиме русского имени не сронил и нынче себя крепко держал. Кушайте на здоровье. (Уходит).

В блиндаж спускается Королев, который тащит, напугавшись, лакированный ящик радиопередатчика. На кителе Королева уже золотые пуговицы и на рукаве свеженькие нашивки младшего лейтенанта.

Наменецкий. О! Уже в полном параде? Поздравляю.

Королев (ставит передатчик на стол). Спасибо (Любуется нашивками.) Ей-богу, не поверите. Всякие у меня в жизни радости бывали, а такой не помню. Как ребенок, этим нашивкам радуюсь.

Наменецкий. А вы что думаете? Были фитюлькой, теперь настоящим командиром становитесь. А это — большое дело.

Королев. Когда приказ прочел — дыханье перехватило. Командир флота! Вы подумайте! Из од-

ного, значит, гнезда с Нахимовым, Корниловым Лазаревым!

Каменецкий. Эге, куда сразу хватаете.

Королев снимает китель, вешает на гвоздь и, взяв от вертку, начинает копать в передатчике.

(Наблюдая за его возней.) Разбираетесь?

Королев. А почему не разобраться? Принципы один, только детали другие. Помощная работка, — ганц ажкурат, чистенько сделано. Сам волок, никому не доверил, хоть и тяжелый, чорт.

Каменецкий. Рабогать будет?

Королев. А то как же? Панель под наши лампы переделаю и заработает, как живой... Я уже загрустил, как наш разбили, потому что без рации дело труба. Спасибо пехоте, отщипнула у немцев.

Каменецкий. Крутите! А я по своему хозяйству пойду. А вот и главный хозяин.

Появляется Сагайдачный; у него усталый и хмурый вид.

Развеселись, хозяин. Матрена Матвеевна тебе подарок притащила.

Каменецкий уходит. Сагайдачный хмуро подходит к столу, берет из корзинки несколько ягод малины, проглатывает, садится к столу, вынимает из кармана книгу и погружается в чтение. Королев копается в передатчике, насвистывая: «Прощай, любимый город».

Сагайдачный. Не надо!

Королев. Что не надо?

Сагайдачный. Этой песни! Рано еще с Севастополем прощаться.

Королев (удивленно). Да я и не думал. Просто мотив подвернулся...

Сагайдачный! Подкрути другой... Вселей!

Пауза.

Королев. Ты что читаешь?

Сагайдачный. Полозную книжку. В вещах прежнего командира открыл. Про ту оборону... Ты слушай! Я тебе из доношения лейтенанта Тимирязова прочту. Он на Камчатском люнете был и почти без чувств его покинул после французского штурма. (Читает.) «Последним редут оставил двадцать третьего флотского экипажа квартирмейстер Панкрат Трофимов, впереди которого шел я, поддерживаемый двумя матросами. Кровь из раны ручьем поливала редут и омывала срам моего отступления. Божия милость и картечь с Корнилова бастиона спасли меня от плену. Меня вели до казармы, где и положили на носилки. Донесение это не есть оправдание, которое я приношу, но описание дела, как было. Покорно предаюсь воле начальства и прошу судить меня или оправдать. Честь, которой мы,

моряки, пользуемся,— дорога мне, и лучше умр чем понесу позорное наказание»... (Отложи книгу.) Ты подумай,— раз николаевские офицеры уходили последними, нам уходить совсем нельзя!

Королев (встал и расширенными глазами посмотрел на Сагайдачного). Коля!

Сагайдачный. Что?

Королев. Может, это глупо, но я, как влюбленная девушка, скажу: «Я счастлив, что мне удалось узнать тебя...»

Сагайдачный (с усталой улыбкой). Ну, что же! Я рад. И я свое слово сдержал. Сделал из тебя командира.

Королев. Я этого никогда не забуду.

Протянул руку, и Сагайдачный ответил тем же. Обвзволнованы. Сверху слышны тяжелые неровные шаги по ступеням.

Сагайдачный (освободив руку). Кто это топает?

В блиндаж на костыле спускается Ставриди в лазаретном халате и туфлях. Левый глаз его пересечен бином.

Ставриди. Товарищ старший лейтенант!

Сагайдачный (грозню). Это что значит?

Ставриди. Разрешите доложить, что я такую петрушку терпоть не согласен.

Сагайдачный. Какую петрушку? Откуда вы?

Ставриди. Утром приходит в палату какой-то краб и объявляет эвакуацию... Всех раненых на выкидку на Божью землю... Мол, опасное положение...

Сагайдачъ. Ну!

Ставриди. Ясно, на него все с костылями ползали. Пока заваруха — я в коридор, через окошко, кой-как забор одолел, а тут грузовичок попутный и шофер-годок... Чтоб я от своей батареи смылся?.. За кого меня держат?

Сагайдачный. Королев! Распорядись немедленно отправить обратно в госпиталь.

Ставриди. Так! Интересный случай. Для чего Горячкин тащил на спине Ставриди целую ночь?.. Не нужен, значит, Ставриди своему батарейному командиру. За барахло командир Ставриди считает?

Сагайдачный. Посмотри на себя, дурень! В чем душа?

Ставриди. Не надо мне на себя смотреть. Мне девушки и так говорят: красивый!.. А душа моя? В тельняшке она держится, товарищ старший лейтенант. Крепко держится. Со мной вместе только ее оттуда вынут... И кричит мне моя душа: «Иди,

Костя, до орудия. Не пойдешь— в глаза тебе плюну!»

Сагайдачный (после паузы). Королев! Разрядись выдать Ставриди обмундирование оставить на батарее.

Ставриди. Правильно придумали, товарищ старший лейтенант! Разрешите итти?

Сагайдачный. Можно!

Ставриди. Есть... (Королеву.) Товарищ писатель!

Сагайдачный. А вот это уж не так... Был писатель, а теперь есть младший лейтенант Королев. Наш командир.

Ставриди. Так он с первого дня был нашим, товарищ командир батареи... Я насчет песни хочу спросить, товарищ младший лейтенант... Вышла?

Королев. Не забыл? И я помню... Три написал. Можете выбрать...

Ставриди. Вот это спасибо.

Сверху слышен голос Каменецкого: «Сюда, товарищи полковник». Сагайдачный удивленно оборачивается. Видно, что кто-то спускается в блиндаж.

Сагайдачный (Королеву). Китель! Китель надевай!

Королев поспешно надевает китель. Появляется Полосухин, сухой и желчный, за ним Каменецкий. Пропустив их, Ставриди карабкается вверх.

Каменецкий. Вот командир батареи, товарищ полковник.

Полосухин (с у х о). Благодарю вас.

Сагайдачный. Старший лейтенант Сагайдачный. Чем могу служить, товарищ полковник?

Полосухин. Я — Полосухин.

Сагайдачный. Так точно, но...

Полосухин. Вы что же — даже не знаете меня?

Сагайдачный (начиная закипать). Не имею чести

Полосухин. Занимательно, что вы не знаете прямого начальника. Я начальник штаба генерал-майора Иванова, в подчинении которого вы находитесь.

Сагайдачный. Вероятно, недавно, товарищ полковник? Начальником штаба был...

Полосухин (перебивая). Уже пять дней я начальник штаба. Вы и в приказы не заглядываете.

Сагайдачный (стараясь сдержаться). В последние дни мы не всегда получаем распоряжения, так что приказы...

Полосухин. Это не оправдание!

Сагайдачный. Я не оправдываюсь, я информирую... Положение...

Полосухин. О положении и будет речь. (Садится на ящик.) Генерал приказал мне ознакомиться с положением на этом участке и в част-

ности вашей батареи. Не могу доложить ничего утешительного... Собственно, батареи нет. Расстрелянные, перевязанные веревочками пушки, засыпанные щебнем. Склад утиля!

Сагайдачный. Верно! Если вывезти на парад — скандал.

Полосухин. Батарея в любых условиях должна оставаться батареей.

Сагайдачный. Точно! Поэтому мой утиль и разпрохал вчера восемь танков и отбил налет полсотни гансов.

Полосухин. Вы пытаетесь и бессмыслицу превратить в положительный фактор. Зенитная батарея по наземным целям? Нормально?

Сагайдачный. Я не теоретик. Бью танки, а выводы — ваше дело!

Полосухин. Я это и делаю. Генерал уполномочил меня на решения. (Встаёт.) Оставлять батарею бесцельно. Она чуть ли не впереди пехотных позиций. Немцы с трех сторон. Нужно отводить, чтобы избежать окружения и захвата противником материальной части...

Сагайдачный (взволнованно, но сдержанно). Товарищ полковник! Вам известно, что я дал генералу слово не отступать.

Полосухин. Нелепое донкихотство, товарищ старший лейтенант! У нас не дуэль на шпагах при бенгальском огне, а современная, большая мехаян-

зирования война. У нее своя наука. Вы — моряк и в пехотном бою не разбираетесь... Приказываю к двадцати часам свернуть батарею и подготовить к отходу. Место будет указано. Отступать неприятно, но отступление — разумный и законный элемент тактики... Вы меня поняли?

Каменецкий и Королев напряженно смотрят на Сагайдачного.

Сагайдачный (мертвенным голосом). Пошли.. Свернуть батарею и приготовить к отходу... Есть!

Полосухин. Очень хорошо. Всего доброго. (Кивает и уходит.)

Все остаются в оцепенении.

Каменецкий. Как же это назвать? А?

Сагайдачный (вынимает из кармана бренок пистолет и с размахом швыряет его на койку). Уберите от греха! Руки чесались! Тактика-мактика! (Передразнивает тон Полосухина.) Приготовиться к отходу... свернуть! Шею бы я тебе свернул, тля сушенная! Кота в мешке не кочешь?

Королев (радостно). Не уйдем?

Сагайдачный. Кто уйдет, того я сам шлепну!

Королев. Почему ж ты ему прямо не сказал?

Сагайдачный (после паузы). Почему?.. Год назад я ему, верно, башку бы ящичком проломил.

Но я сам в войне вырос. Я сам людей дисциплине учил. И сам ее подрывать не стану. Я командир, и это помню. А он вот — не командир (В ярости.) Делопроизводитель армейского мейкома! Завхоз профсоюза военнослужащих! Законный элемент тактики!.. Какова формулка! А не хотите ли в бою этот ваш законный элемент не применять с излишней щедростью?

Каменецкий. Да ты не волнуйся!

Сагайдачный. Нет! Извините!.. Буду! Русский я или нет? Душа у меня или портянка? Куда драпать? Позади море. Не желаю в него своих батареяцев загнать. Мы здесь нашу честь защищаем, гордость народа — Савастополь, а не дрянную высоту с номером, которую на карте не сразу разыщешь и которую бросить не жаль... Пушки в револьверами перевязаны?.. Да! Из таких будем бить, пока держатся, потому что так нужно. Поэтому, что этим мы другим, цолым, жить и драться даем. Батарея впереди пехоты! Ах, ах, прогив пропизей! Опаруженне? Кто воевать умеют и хотят — тому окружение... тьфу! Суворова в Швейцарии в дырку от бублика загнали, а он не только ушел, но и морду Массене набож свернул. Поэтому, что драться был зол и русской славой дожил больше жизни.

Королев (восторженно). Верно! Никуда не уйдем!

Сагайдачный. Бывают минуты, когда честная смерть равна и даже больше победы. Это знает каждый защитник Севастополя. Мой краснофлотец на одной ноге шкандыбает из госпиталя, отказавшись спастись. Шкандыбает принять смерть рядом с товарищами. Мы — военные люди и должны уметь умирать. Народ отрывал у себя кусок хлеба, чтобы мы научились его защищать. Народ дал нам почетные звания не затем, чтобы мы их мариновали. Ты — командир, так будь командиром до последнего вздоха, чтоб и враг мог сказать о тебе: «Он был командиром...» (Задохнувшись, сел.)

Каменецкий (тронув за плечо). Перестань! Успокойся!

Сагайдачный (рванул воротник). Душно!.. Но я на тебя штрафку найду, саранча! (Резко хватает телефонную трубку.) Базовую!.. Ноль-соднадцать... Капитана первого ранга... Да, товарищ капитан первого ранга... Что? Голос?.. Неважно! Докладываю, что мне приказано отступить. А вы мне сказали — моряки не уходят!.. Кто приказал?.. Параграф в мундире... Да... Есть! Прибыть немедленно к вам? Есть! (Бросает трубку, хохочет.) Каменецкий!.. Грузовик!

Каменецкий. Есть грузосжик.

Сагайдачный. Если не вернусь, — деритесь, как черти!

Каменецкий. Вернешься!

Сагайдачный. В четыре ноль-ноль, созвать парт собрание. Всех собрать не приходится. Орудийным ячейкам выделить делегатов.. Ясно? Пошли! Мы еще повоюем!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка второй картины второго действия. I. рассветный сумрак. Небо уже наливается снизу лиловой желтью летней крымской зари. В нем еще вспыхивают последние ракеты. Изредка постукивают далекие винтовочные выстрелы, захлебывается пулеметная очередь. На каменной гряде разместились человек пятнадцать краснофлотцев, силуэты которых четко видны на фоне неба. Среди них Нещелов, Ставриди, Брилев, Горячкин, Шарбапов. Тут же Каменецкий и Королев. Первыми, спиной к зрителю, на козырьке блиндажа Сагайдачный.

Сагайдачный (продолжая) ...Немцы спереди. Немцы справа и слева. Завтра немцы будут кругом. Так что же, товарищи краснофлотцы! Чем враг ближе, тем его легче достать, и русский боец всегда любил сходить на стенку... Мы на первом крае. За нами родной Севастополь!.. Есть хорошее, высокое слово: морская, матросская честь!

Мы ценим ее больше жизни! Мы ею клянемся стоять до конца!.. Мы будем так жить и так биться, чтобы смерть от нас в страхе на карачках ползла. Скажите об этом товарищам, не могшим уйти с боевых постов. Мы знаем, что Родина смотрит на нас! Что Сталин помнит о нас... И мы — черноморцы!.. Точка!

Тишина. Потом одобрительный гул.

Нещепа. Дозвольте сказать, товарищ командир батареи!

Сагайдачный. Короче! Не тянуть!

Нещепа. А що ж тут тянуть?.. Все, як скло, ясно... Маю до вас простое слово, дружки!.. (Вынимает из-за выреза форменки сверток бумаги и разворачивает его. В голубоватом свете виден портрет Сталина с трубкой.) Було это ще в первые дни, як Гитлер начав свой вовчий скок по нашему краю. Гирко мне стало. Иде и иде немчура, и нема ей останову. Дума меня загрызае: як же то можно, щоб отдать ворогу всю Украину? Не то щось... Пришов раз до кубрика, стою, со злости зубами скриплю. Подняв очи, а со стенки товарищ Сталин глядит и смеется, мов кажет: «дурный ты, дурный!»... Снял я портрет и написав тут... (Шворачивает портрет обрат-

ной стороной.) «Батько наш! Никому заразы
виры не маю, а тебе виру. Ты ридный, ты вы-
тягнешь! Клянуся назад не ступать, лечь на
поле, а врага не пустить!»... Предлагаю всем
подписать, передать командиру и хранить на
командном пункте.

Гул одобрения.

Сагайдачный. Есть против?

Молчание.

Нещопа. Товарищ командир батареи, починай
своим подписом.

Сагайдачный кладет портрет на ящик и подпи-
сывает. За ним другие. Нещопа стоит, наблюдая
подписями.

Сагайдачный. Кто подписался, немедленно
орудиям!

Подписавшиеся уходят.

Нещопа. Яснише подписуйте!.. Щоб каждая
буква видна була, щоб каждого Сталин прочитати
мог... Ты що, Брилев шкрябаешь, як та кура?
Четко пиши! О, так добре!.. Товарищ командир ба-
тареи, везьмить клятву.

Сагайдачный. Сами прибейте на стенке КП.

Нещопа. Есть! Щоб всякий миг было вид

Из-за домика выбегает краснофлотец.

Краснофлотец. Генерал!.. Наш генерал!

Вслед краснофлотцу входит Иванов.

Сагайдачный. Смирно! (Идет к Иванову.)
Товарищ генерал-майор! Двадцать первая...

Иванов (опуская его поднятую к козырьку руку). Не надо! Не на параде!
(Всем.) Здорово, друзья!

Все. Здравс-те!

Иванов. Приехал поздравить вас с праздником. Ваша батарея, друзья, стала гвардейской.. Высокая честь! Но вы ее заслужили. Благодарю за честную боевую работу!

Все. Служим Советскому Союзу!

Иванов. Уверен, что будете служить еще лучше.. Заниматься своими делами! Товарищ командир батареи, прошу ко мне. (Отходит к рампе.)
Доложите полностью положение.

Сагайдачный. Становится трудно, товарищ генерал-майор. С боеприпасами плохо. Сегодня совсем не пришли.

Иванов (улыбаясь). Так, может быть, не удержитесь и лучше отвести батарею?

Сагайдачный (вспыхнув). Пока я живой, батарея останется тут, чтоб там ни выдумывали разные...

Иванов (кладет руку ему на плечо).

Спокойно, товарищ «фугас»! Поберегите взрывчатку. Значит, хотите драться?

Сагайдачный (сразу спокойно). Так точно. **Иванов**. Ну, хорошо! Полностью вас одобряю. Капитан первого ранга мне все доложил. Я очень вами доволен, мой друг, и особо хвалю, что сумели соблюсти дисциплину и удержаться от прямого конфликта с начальником.

Сагайдачный. С трудом удержался, товарищ генерал-майор.

Иванов. Тем больше заслуга. Вижу, что сумели стать зрелым и выдержанным командиром. И умеете здраво и верно оценивать и понимать обстановку. Вы правы — есть положения, когда нельзя ходить слепо по уставным дорожкам. Я полковнику это внушил... Но теперь постарайтесь спокойно выслушать то, что я вам скажу, и трезво понять... Как ни горько сказать это... но наши часы сочтены. В силу сложившихся факторов верховное командование приказало нам покинуть Севастополь...

Сагайдачный. Покинуть Севастополь!

Иванов. Тише! Да... покинуть!.. Мы, солдаты, должны мыслить ясно и понимать, что на войне все бывает. Отступление, мой друг, все же бывает разумным, когда полководец прозревает за ним свет конечной победы. А он уже виден нам сквозь боевой дым. Мы уходим отсюда, но уходим с поднятой головой.

Сагайдачный. Я из Севастополя не уйду.

Иванов. Не торопитесь. Я об этом и хочу говорить. Наш отход нужно прикрывать до последней возможности. Пока не вывезем раненых, женщин, детей, немцы не могут, не должны прорваться к городу. Я доверяю вам жизнь наших людей, потому что верю в вашу личную доблесть, в вашу командирскую честь.

Сагайдачный. Спасибо, товарищ генерал-майор.

Иванов. Конечно, мы примем все меры, чтобы дать вам возможность...

Сагайдачный (перебивая). Об этом не надо, товарищ генерал-майор. Немцы смогут пройти здесь только по мертвым.

Пауза.

У меня одна только просьба. Если когда-нибудь вам случится увидеть мою мать... скажите...

Иванов. Я скажу ей, что гордился бы таким сыном.

Второй краснофлотец (вбегая). Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться! Там шофер ваш психует.

Иванов. То есть как?

Второй краснофлотец. Орет, как резаный: подавай генерал-майора! Что он, — извиняюсь, кричит, — в голове держит, когда мне приказано его на пе-

реднем крае не оставлять? Если сей миг не поедет, я Военсовету буду жаловаться.

Иванов (усмехнувшись). Хм... Придется ехать. Он у меня злой, спуску не дает... До свиданья, друзья! Боевого вам счастья!

Все. До свиданья!

Иванов уходит, провожаемый **Сагайдачным**

Каменецкий. Ну, детишки, теперь я вас начну как индюков, откармливать на гвардейском пайке.

Горячкин. И так раскормили, товарищ лейтенант. Все, как коты, гладкие, а на Брилева уже специально пояс надо заказывать. В баталерках на его пузо не найдешь.

Смех.

Ставриди. Придется теперь, товарищ писатель, одно словцо в нашей песне заменить.

Королев. Какое?

Ставриди. А вместо ~~«старейцев»~~ — «гвардейцев» поставить.

Королев. Верно! Сделаю... А как у вас с песней?

Ставриди. Вот с Мишей и Сережей разучиваем

Возвращается Сагайдачный. Лицо его как будто освещено изнутри, глаза горят.

Сагайдачный. Каменецкий!

Каменецкий. Я!

Сагайдачный. Боеприпасы как?

Каменецкий. С минуты на минуту жду...

Сагайдачный. Нечего ждать! Королев!

Королев. Есть!

Сагайдачный. Взять мотоцикл и — в парк. Без всяких — начальника мордой об стол. Что ж он думает, мясными консервами я немцев крошить стану? Рви из души и волокн сюда под конвоем...

Королев. Есть волочь под конвоем. (Убегает.)

Сагайдачный. Пока с третьего пусть пришлют на второе хоть десяток снарядов. На втором же бить нечем...

Каменецкий. Понятно!

За сценой сигнал воздушной тревоги и крик:
«Воздух!»

Сагайдачный. По местам! Батарея, к бою!

Слышен далекий гул самолетов и учающаяся стрельба. Все разбегаются. Шарбанов и Горячкин разворачивают пулемет. Каменецкий, Нещепан и Брилев бегут за сцену. На сцене остается Ставриди под козырьком блиндажа у телефона и Сагайдачный, смотрящий из-под руки вверх.

Ставриди. Зашли бы под козырек, товарищ старший лейтенант!

Сагайдачный. Еще далеко. На левый фланг пошли, по пехоте класть будут.

Ставриди. Пятый раз их сегодня крошат. Я, варищ старший лейтенант, раньше от морск форса пехоту не уважал. А теперь, как насмотр ся, так и в ножки ей готов кланяться. Вот многострадальная...

На накате над домиком появляется Каменецкий с биноклем и тоже смотрит в сторону боя.

Сагайдачный. Эй, составитель ароматов! Ты зачем туда вылез? Опять очки загубишь?

Каменецкий. Не всякая бомба в цель!

Сагайдачный. Ты мне Павла Степановича Нахимова не разыгрывай. Носом не вышел... Это он говорил: «Не всякая пуля в лоб-с» и получил именно в лоб... Слезай!

За сценой внезапный рев мотора и крик: «Штурмовик спрала!»

Шарабанов!

Шарабанов разворачивает пулемет, затрещали короткие очереди. Над самой сценой с оглушительным ревом проносится самолет. Сагайдачный ~~у~~ удаляется под козырек блиндажа. Бой ~~з~~ается.

Ну и нахал! Прямо по голове прокатился. Что ж ты, Шарабаныч, мазила несчастная, снять не мог? Рукой достать можно было.

Шарабанов. Если б рукой, я б его, черта, в ключья. Уж очень невзначай выскочил.

Сагайдачный (взглянул на домик, засмеялся). Ишь! Нахимова нашего тоже с крыши, как ветерком сдуло... Ставриди, что с тобой?

Ставриди медленно поворачивает гитару, которая стояла под козырьком блиндажа. Нижняя дека расщеплена в нескольких местах.

Ставриди (сдавленным яростью голосом). Прикрывай теперь клапана, ганс! Гитару подпортил?.. Стал наш счет нерасчетный..

Из-за домика показываются носилки. Рядом с несущими раненого идет Матрена, поддерживая его голову.

Сагайдачный (смотря на гитару Ставриди). Кого зацепило?

Один из несущих. Товарища лейтенанта.

Сагайдачный (стремительно ринулся к носилкам). Что? Химик!.. Милый ты мой! Как же это?

Каменецкий (хрипло). Ерунда... пройдет!

Сагайдачный. Безусловно пройдет... (Матрене, тихо.) Куда его?

Матрена (сурово). В живот!

Каменецкий. Глупо как вышло.

Сагайдачный (торопливо). Ничего, ничего... Отлежишься, отпуск получишь и в Ленинград. Может, рыжую мою там увидишь. Кланяйся, скажи, что я велел за тебя замуж выходить.

Каменецкий (со слабой улыбкой). Чудах. Обними на прощанье... Неплохо ведь жили...

Сагайдачный. Лучше не надо! (Наклоняется, целует Каменецкого, выпрямился.) Немедленно на машину!

Краснофлотцы уносят носилки. Все тоскливо смотрят вслед. Под козырьком задребезжал телефон.

Ставриди. Командный слушает... Да, здесь... Вас, товариш старший лейтенант.

Сагайдачный (берет трубку). Да, Сагайдачный... Товарищ майор?... Так-так... Прорвали? Ясно... Поддержать?... Снарядов у меня нет... Не подали. Придется ручным оружием, но что могу — сделаю. Держитесь! (Кладет трубку, кричит.) Товарищ старшина!

Нещепа (выскакивает из-за дома, кричит). Старшина!

Сагайдачный. Немедленно собрать людей! Взять весь расчет с пушки, раз ей стрелять нечем. Всем оружие! И духом к высоте с точилом. Задержать там немцев. Любой ценой! Хотя все останьтесь, но задержать!.. Задача понятна?

Нещепа. Так точно...

Сагайдачный. Выполняйте!

Нещепа убегает.

Ставриди, Горячкин, Шарабанов, остаетесь со мной прикрывать ЮП!.. Горячкин, винтовки!

Горячкин ныряет в блиндаж. За сценой голос Нещепы: «Хлопцы, до мене!» и свисток.

Шарабанов, как пулемет?

Шарабанов. В порядке...

Горячкин выскакивает из блиндажа с тремя винтовками: одну дает Ставриди, другую — Сагайдачному.

Сагайдачный. На рубеж!

Все трое укладываются на камнях рядом с пулеметом.

Ставриди. Миша, подправь мне ногу.

Сагайдачный. Ставриди, может, тебе трудно?

Ставриди. Маме рожать меня было трудней, товарищ командир батарей.

Из-за домика через сцену пробегают краснофлотцы, ведомые Нещепой.

Нещепа (на ходу). Ходу, хлопцы! Швыдче! Бо гансы нас заждалися. Не терпится!

Горячкин. Вижу три малых танка!

Сагайдачный. А, комбинаторы идуг! В каждую щель норовят, как тараканы...

Вдали возникает скрежет железа.

Горячкин. На нас ворочают.

Сагайдачный. А куда ж еще? Сообразили, что

нас тут не густо... На них хватит!.. Целить по щелям! Не мажь, Шарабаныч!

Шарабанов. Не смажу! Как на ладошке!

Сагайдачный. По головному... огонь!

Винтовочные выстрелы, загрохотал пулемет.

Ставриди. Ганс калут! Честное комсомольское!

Сагайдачный. Без разговоров! По второму... огонь!

Выстрелы, далекий взрыв.

Ставриди. Мама! Прямо задача на вычитание для дошкольников... Детки! Три минус два, сколько в остатке?

Сагайдачный. Сутки ареста за болтовню!

Ставриди. Убийственный остаток!

Лязг металла все громче. Вспышка пламени у пулемета. Горячкин схватился за плечо.

Шарабанов (вытирая кровь с лица). Пулемет разбило!

Сагайдачный. Горячкин, живой?

Горячкин. Живем! В плечо, пес, ~~ушибил~~...

Сагайдачный. Всем отходить на КП! Шарабанов, гранаты!

Шарабанов берет связку гранат из-под пулемета. Давай! (Протягивает руку.)

Шарабанов встает. Взгляд его встречается с взглядом Сагайдачного, и, прижав гранаты к груди, Шарабанов

одним прыжком перескакивает через камни, навстречу отвратительному скрежету танка. Скрежет обрывается взрывом. Тишина. Сверху к ногам Сагайдачного падает бескозырка.

(Поднял, недоуменно.) Чья?

Ставриди (после паузы.) То ж это... Серсжи! Газом линуло...

Пауза.

Тихий был. Лишнего слова не скажет. А что сделал?

Сагайдачный, держа в левой руке бескозырку Шарабасюва, взял под козырек.

Сагайдачный. Батарея, смирно!

Поддерживая друг друга, поднялись и стоят смирно Ставриди и Горячкин.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Внутренность КП батареи в бывшем домике Дзюбенко. Странная смесь прежнего жилья с военным разрушением. На стене еще висят семейные фотографии, увеличенный портрет Дзюбенко, окаймленный вышитым полотенцем. На уцелевшем комодe узорная скатерть. Стоит посуда. Но в другом углу разбитый шкаф с вывалившейся дверцей. В стенах красные кирпичные латки на месте заложенных окон. Пол завален грудами битого кирпича. Над портретом Дзюбенко на

прибитом к стене полотнище красного шелка портрет Сталина с трубкой, тот, на котором батарейцы подшисывали клятву. На груди сваленных в угол шинелей вповалку спят человек десять краснофлотцев. На многих — перевязки. Среди них Брилев. Ближе к рампе лежит на походной койке раненый Горячкин. Возле него на табуретке дремлет Матрена. На кадке сидит Ставриди, который заделывает дыру в деке гитары. В стене возле Матрены дверь в соседнюю комнату. На стуле у большого ящика сидит Сагайдачный, что-то пишет. Рядом с ним Королёв подпер рукой подбородок и задумался. В стене налево большая пробоина от снаряда, в которую выставили ППД. У пробоины, прижавшись к стене, стоит Нещепла, изредка выглядывая наружу. Крутом оружие, патронные ящики. «Летучая мышь» тускло освещает эту фантастическую картину.

Сагайдачный (не отрываясь от писания). Товарищ Нещепла, что нового?

Нещепла. А ничего, товарищ командир батарен. Ни зги ну видать. Ночка темная, як немецка душа.

Сагайдачный. Не обижайте, старшина, честную черноморскую ночь. Немецкую душу только с помоями сравнивать. (Сложил ~~руку~~ аянные листки.) Королёв! Ты о чем загрузил?

Королёв (засмеялся). Я не прущу... Я о героизме думаю.

Сагайдачный. А что ж в героизме смешного?

Королёв. Не в героизме. Я над собой смеюсь. Сколько лет я героев разыскивал. В командировки

за героями ездили. На край света. В Тяньшу-Тува. Казахстан и подальше. И никак не удавалось героя обнаружить... (О п я т ь з а с м е я л с я.) Чорт знает, какая муть была! Помнишь, у Гоголя — стоит на вершине горы Карпат в тумане рыцарь. Латы, меч, щит — все, как положено, а лица не видно. Вместо лица глухой намордник. Силишься угадать, что под ним, и малюешь иконы, как богوماз... А теперь встретил живых героев и вижу, что, во-первых, за ними не нужно ездить далеко, а, во-вторых, что у героя не лик, а простое лицо, да еще наше, курносое, русское, как у Шарабанова было.

Сагайдачный (р а с с е я н н ю). Да! (П о с л е п а у з ы.) У тебя где родные живут?

Королев. Сестра — за профессором замужем в Новосибирске. А больше родных не имеется.

Сагайдачный. А девушка есть?

Королев. И девушки нет. Была у меня жена...

Сагайдачный. Хорошая?

Королев. Очень. —

Сагайдачный. Так почему же «была»?

Королев. Долго рассказывать... Сам кругом виноват. Не удержал. А люблю до сих пор и надеюсь, что после войны встретимся и такого меня, нового, она примет.

Сагайдачный. Обязательно! Я ее сам уговорю.

Королев. А что тебе взбрело меня о родных спрашивать?

Сагайдачный (небрежно). Да так... У меня тоже из родных одна мать... Жениться за делом не успел. Так, завязла в сердце одна колючка рыжая, но это пустое дело. Зато мать — такой на свете второй нет. И живет неподалеку. В устье днепровском село есть, смешно называется: «Голая Пристань». Из того села всегда люди в моряки шли. Морское село. Домих там у нее. Кругом абрикосовый сад. Абрикосы наши в кулак ростом, сочные, разломишь — так и брызнет сахар. Летом зелень под солнцем горит, тишина золотая, пчелы жужжат. И ходит по саду старушка, день-деньской копается...

Королев. Постой!.. Так ведь Голая Пристань у немцев...

Сагайдачный (с внозапной тоской). А зачем ты мне об этом напоминаешь? Зачем?.. Я нарочно думать об этом не хочу. Сам себя уверяю, что все по-старому. Ходит ~~к~~ старушка, пчел слушает, абрикосы в корзинку снимает... А ее, может, больше и нет, моей старушки... Зачем ты на мою мечту наступил?

Королев. Извини... Я не хотел.

Сагайдачный. Я вот генерала просил, если увидит мать... (Махнул рукой.) Вздор все это!.. Лежит, верно, старушка моя за селом, в общей

яме... Немец по ней сапогами топает!.. Проклятый немец!

Королев. А ты раньше времени не хорони. Может, жива...

Сагайдачный. Может... Все может быть. Не время об этом. У нас тут своих дел хватает... Пройдем-ка со мной на минутку. (Уводит Королева в соседнюю комнату.)

Горячкин (застонал). О-ой!

Матрена (очнулась от дремоты). Что, сынок?

Горячкин. Жжет!.. Пить!

Матрена. Сейчас попою, потерпи! (Наливает из кувшина в кружку воды и поит.) Пей, холодная!

Горячкин (выпил). Спасибо!

Матрена. Больно?

Горячкин. Не больно... Досадно! Зло берет! Плечо немец испортил, стрелять не могу. А он тут вокруг живой еще бродит, немец. Бить его надо, а я не могу.

Матрена. Лежи (уж! Навоевался!

Горячкин. Мало воевал!.. До тех пор воевать надо, пока ни одного немца живого не будет.

Матрена. Выздоровеешь, еще повоюешь...

Горячкин умолк.

Нещета (Ставриди). Що, Костя, все майструешь над гитарой? Справил?

Ставриди. Дыржи заделал... Охрипла моя гитара, но еще говорит. Не лишит ее голоса немцу!

Возвращается Сагайдачный с Королевым, тихо разговаривая на ходу.

Сагайдачный. Сейчас три тридцать. В три сорок пять ее нужно будет отправить. Остаться ей незачем. Эта фортеция не продержится долго — сам понимаешь. Она крахнет вместе с нами. А с меня хватит, что боцман на моей душе грузом. Есть возможность вывести ее крытым ходом, пока немец его не перехватил. И нужно ее проводить.

Королев. Есть! Кого послать?

Сагайдачный (после паузы). Пойдешь ты!

Королев (изумленно). Что?!

Сагайдачный (указывая глазами на Матрену). Тихо!.. Товарищ младший лейтенант выполняйте!..

Королев (шопотом). Я категорически отказываюсь.

Сагайдачный. Ты ее выведешь? ~~Дядя?~~

Королев. Ведь можно послать с ней любого краснофлотца... Может пойти Ставриди... Брилев...

Сагайдачный (заметил, что лежащий на шинели Брилев поднял голову, услышав свою фамилию). Говори тише!.. Брилев, почему не спите?

Брилев. Не спится. Все про жизнь думаю, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. А вы про нее не думайте. Пусть лучше она про вас думает. А вы спите! Выспавшись, жить приятней и драться веселей...

Брилев. Есть выспаться! (Укладывается.)

Сагайдачный (берет Королева под руку и отводит к рампе). Словом, я приказываю тебе доставить старуху в безопасное место.

Королев (выпрямился и взглянул в глаза Сагайдачному). Я тебя понимаю... Но ты не имеешь права.

Сагайдачный. Здесь не дискуссия и здесь все права у меня, потому что я — командир.

Королев (продолжая смотреть в упор). Не думал, что в права командира входит заставлять других дезертировать.

Сагайдачный (спокойно). Не думал, что дисциплинированный командир может так отвечать старшему. Мог бы с меня примор взять.

Королев. Извини, но ты сам виноват. Как ты можешь думать, что я способен бросить товарищей? Что я, лфохвост? Я знаю, что ты из благородства хочешь меня спасти, но позволь мне распорядиться своей жизнью.

Сагайдачный. Товарищ младший лейтенант, прекратите пререкания. Или вы выполните приказ или я шлепну вас у этой вот стенки.

Королев. Ты с ума сошел!

Сагайдачный (повернулся к нему спиной). Матрена Матвеевна! Подите сюда!

Матрена встает и подходит.

Такое дело! Скорехонько соберите, что нужно из платья, свяжите в узелок и в дорогу!

Матрена (настороженно). Это куда же?

Сагайдачный. Я с вами говорю откровенно. Вы для меня — боец и из лучших. Нам приходит конец. Пока можно — вам нужно уйти в безопасное место.

Матрена (спокойно и решительно). Нет уж, дорогой товарищ командир! Я и Роме покойнику сказала и вам повторю: никуда я отсюда не двинусь.

Сагайдачный. Вы понимаете, что здесь смерть?

Матрена. А мне хоть бы что. Что жизнь, что смерть — все одно. Только с вами со всеми я здесь сжилась, с вами и помереть хочу. И нет такого закона, чтоб меня отсюда по... Я хоть женщина темная, грамоты не одолела, а понимаю, что срам на человека класть не дозволено. Спасибо за заботу, но уж я останусь. (Кланяется, отходит и поправляет одеяло на Горячкине.)

Королев (насмешливо). Что? Сорвалось? Может, старуху тоже шлепнешь у стенки?

Сагайдачный. Ну, если все вы такие упрямые дураки...

Королев. А ведь ты в глубине души нами доволен.

Сагайдачный (у с м е х н у л с я). Очень сообразительный! Товарищ Нещеп, что видно?

Нещеп. Трохи рассвитае! А видно все то ж. Мы стоим, а немцы лежать, ноги задрали. Мовчат, як мертвыє. А живых що не бачу.

Сагайдачный. Не скучайте! Скоро увидим больше, чем нужно... (С т а в р и д и.) Старшиди, а что ж песня? Так и нет у нас песни? Не вышла?

Ставриди. Как не вышла, товарищ старший лейтенант? Вышла, да концерт наш расстроился. Трио разбило. Серези уже нет, Миша зон в инвалидах, один я пока бодрый.

Сагайдачный. Ну, и спой соло.

Ставриди. И гитара хрипит, и голос у меня злой стал...

Сагайдачный. А это ж лучше. Спой!

Ставриди. Есть спеть! (Т ро га е т ст ру ны и тихо запевае т.)

Заря догорает, алая,
Уходят в дозор корабли,
Морская стоит батарея
У края любимой земли...

К нам подкрасться не надейся!
Охраняют от врага

Черноморские гвардейцы
Дорогие берега!

Спящие на шинелях краснофлотцы просыпаются и прислушиваются.

Глядят в темноту часовые,
Гудят самолеты в ночи,
Ракеты взлетают цветные,
Прожекторы мечут лучи.

К нам подкрасться не надейся!
Охраняют от врага
Черноморские гвардейцы
Дорогие берега!

На третьем куплете песни начинают подпевать, и рефрен поют уже все.

Мы наш Севастополь могучий,
Где камни о славе премят,
Храним, как святыню, и лучше
Умрем, но ни шагу назад!

К нам подкрасться... и

Старрди. Все, товарищ командир батареи!
Сагайдачный. Славная песня!

Старрди. Товарищ младший лейтенант от души написал... Кролики, нет ли у кого табачку заслуженному тенору?

Первый краснофлотец. Спросил! Третьи сутки порох салым, дымом затягиваемся.

Второй краснофлотец. Хоть подметки на махру кроши.

Сагайдачный. сев на ящик, вынимает из кармана коробку «Северной Пальмиры» и нарочито медленно подрезает ногтем заклепку. Глаза краснофлотцев неудержимо приковываются к коробке.

Сагайдачный (улыбаясь). Покурим, орлы?

Ставриди. Глазам не верю! Это не обман зрения?

Сагайдачный. Хватай, тенор!

Ставриди. При всей стойкости характера не выдерживаю.

Сагайдачный. Разбирайте!

Со всех сторон к кобке потянулись руки. Папиросы берут осторожно, как драгоценность.

Нещепа. Костя! Захвати на мою долю, а то с поста сбегу.

Смех. Ставриди передает папиросу Нещепе. Все закуривают, кроме Ставриди и Брилева.

Сагайдачный. Брилев, а вы?

Брилев. Некурящий! Для здоровья вредно.

Ставриди. Он только сляпный... Полнесли-бы ему три кило сала, он бы показал скорость.

Смех.

Сагайдачный. А сам почему не куришь?

Ставриди. Жалко! Перед самой смертью закурю.

Сагайдачный. Так эту припрятать, а пока бери другую.

Щецпа. От же ж хитра лиса! Сможовав на лишнюю!

Снаружи доносится крик: «Эй, русс, слушай!»

Сагайдачный (встава я). По местам!

Краснофлотцы хватают винтовки и становятся у стен, просовывая дула в бойницы.

Голос снаружи. Русс, не стреляй! Слушай!..

Ставриди. Наверно, мое пение понравилось. Хотят обратно нам Штрауса сыграть.

Голос снаружи (выговаривает по-русски чисто, но мертво, по-книжному). Защитники Севастополя! Вы — побежденные! Германское командование предлагает сдавать оружие без сражения. Вам гарантируется целостность жизни. Вы будете накормлены и старательно лечены... Имеете думать десять минут, после каких начнется истребление с безжалостью. Кто принимает условие -- выходит через имеющееся в стене отверстие с поднятыми руками...

Третий краснофлотец. Вот это астрадники! Потешили! Оказывается, возможно с жалостью истреблять!

Первый краснофлотец. Одна муть! У конокрадов, слышал, поговорка была: «Неважна у коня масть,

абы украсть». Так и эти. Гной и тот меньшая зараза, чем немец!

Нещела (протягивает руку). Костя, гранату! Скорийше!

Ставриди. А что там интересного?

Нещела. А то ж той самый оратор, що вносил вышеозначенное предложение. В кусту сидить... Хочу на ем проголосовать против... (Кидает гранату.)

Слышен глухой взрыв.

Ставриди. Бюллетень бесшумно скользнул в урну.

Хохот.

Голос снаружи. Безумные, вас ждет погибание!

Нещела (обескураженно). Тю! Зюв завел. Невжеж я промазав?

Ставриди. Нет! Это у них смена дикторской вахты.

Нещела (выглянув). Держись, хлопцы! Пушка!

Тяжелый удар в стену. Посыпались кирпичи.

Ставриди. Красная шапочка стучится к бабушке!

Неожиданно Брилев, который напряженно слушал речь немца, блудливо бегая глазами, бросает винтовку и, оттолкнув Нещелу, рвется в пробитую.

Брилев (истерически). Не стреляйте. Сдаюсь! Сдаюсь!

Ставриди (хватает Брилева за пояс и рывком втаскивает назад). Тпру, тнедой!.. (Швыряет Брилева на пол.) Так! Вот он где налицо оказался.. Проявлен без передоржки.

Все молча смотрят на Брилева, и в глазах он читает такую ненависть, что в ужасе отползает на четвереньках к стене и кричит.

Брилев. Что вы?.. Что вы, ребята? Я ж ничего... я так...

Все молчат, и молчание обманывает Брилева. Ему кажется, что другие тоже колеблются и их можно убедить.

Вы ж прикиньте... Их все одно — сила! А нас по пальцам... Мы ж, что могли — сделали... Что ж без толку жизнь губить? Молодые мы... Жить хочется!

Горячкин (подымаясь на ~~пальцы~~ к ~~руке~~). Задавите гадюку! А то я его последней своей рукой задавлю!

Ставриди. Спокойно, Миша! Береги свою руку, не пачкай!

Нешела (Брилеву). А ну, кажи, де твое слово? (Показывает на портрет Сталина.) Чей тут подпис? Кому ты присягу подписал?

Сталину?.. Кого ты обманул, гад? Сталина? Товарищ старший лейтенант, що с им робишь зараз?

Сагайдачный. Можно не спрашивать!

Нещела. Добре! Вставай, змеюка! (Встряхивает Брилева, и тот безмолвно встает.) Становься ось тут... Ни, не так. До стены хारेю, бо не маешь ты права польмать свои мутни очи на радяньских людей! (Рывком поворачивает Брилева лицом к стене и, отступив, стреляет из пистолета в затылок.) Товарищ старший лейтенант, народный суд сполнен.

Четвертый краснофлотец. Товарищ командир батальона, разрешите пацаль к немцам сплавить? Не хотим рядом с ним смерть принимать.

Сагайдачный. Делайте!

Нещела и четвертый краснофлотец поднимают труп и выталкивают в пробойну.

Четвертый краснофлотец. Получайте свое барахло.

Внезапно в пробойне возникает голова в немецкой каске. Сухая очередь автомата. Сагайдачный схватился за бок и шумно свалился на ящик. Нещела вырвал автомат из рук немца, втащил его до половины туловища в пробойну и кулаком ударил по каске. Остальные кинулись к Сагайдачному, которого подхватили Матрена и Королев.

Королев. Товарищи! По местам!

Матрена. Господи!.. Убили!

Сагайдачный (сти сну в зубы). Нет!.. Рано! Я еще жив....

Его укладывают на шинели, Матре ~~на~~ ~~стегивает~~ китель.

Нещепа (приподымая свисшую голову немца). Эх-ма, не рассчитав! Наповал! А то б побалакав я с этим акробатом!

Ставриди. Ручка у вас, товарищ старшина, молотобойная! Вы ж ему мозги выбили!

Нещепа. Та хйба ж они у его были — мозги?.. Хай ему чорт! (Выгалкивает тело немца наружу.)

Опять удар в стену, и сыплются кирпичи.

Королев. По немцам — огонь!

Ставриди. Товарищ младший лейтенант, патронов у нас на бога осталось. Крыть нечем!

Королев. Все ясно! (Подходит к Сагайдачному.) Матрена Матвеевна, отойдите на секунду. Мне командира спросить надо. (Наклоняется.) Коля!.. Ты меня слышишь?

Сагайдачный кивнул.

Боеприпасов нет... Что делать?

Сагайдачный притянул его к себе и что-то говорит на ухо.

Понимаю... (Встает.) Товарищи краснофлотцы! Мы поклялись не уходить! Пока были патроны, мы думали, как уложить побольше врагов. И сейчас должны думать о том же. На нашей родной батарее, где каждая пядь полита кровью братьев, козьяничают враги... Вы слышите их?

Снаружи доносятся выстрелы и крики.

Командир предлагает просить командный пункт артиллерии главного калибра открыть огонь по нашему пункту.

Тишина. Долгая пауза.

Ставриди. Товарищ младший лейтенант! Вы не смотрите, что мы молчим. Это как раз тот случай, когда молчание — знак согласия.

Королев. Все так думают?

Дружный ответ. Все!

Королев. Командир был уверен в этом... (Подходит к Сагайдачному.) Коля, все в порядке!

Матрена (сурово). Не услышит! (Накрывает лицо Сагайдачного платком.)

Королев (выпрямляется). Шапки долой! Командир умер!

Бескозырки слетают с краснофлотских голов.

Но он с нами, он слышит. (Подходит к стоящему на столе передатчику, надевает наушники с микрофоном) Вызываю «Подснежник»...

Тишина.

Вызываю «Подснежник». «Подснежник»... слушайте. Здесь «Тюльпан». У передатчика младший лейтенант Королев. Командир батареи убит, передаю его приказание: батарея захвачена немцами, немцы сотнями бродят по дворику. Боеприпасов нет, отбиваться нечем. Открывайте по нас массированный огонь! Открывайте огонь! Все!

Ставриди. Хорошо сказано!

Королев (снял наушники). Товарищи! Когда мы пришли сюда, тут стоял памятник. Памятник дедам, павшим на этой земле, защищая ее от врага. Немцы разбили памятник, но не могли убить память героев. Герои бессмертны! Мы тоже не умрем в нашем народе. Пройдут годы! Встанет прекрасная Родина наша в новом блеске и силе. Опять поплывут корабли по Черному морю. И счастливые люди издалека будут видеть на этой скале новый памятник. Памятник нашему командиру, памятник нам. Они принесут к подножью обрызганные росой цветы, прочтут наши имена на сверкающем камне, постоят, погрустят и широко

понесут по родной земле песню о нас! Головы
выше, товарищи!

За сценой рождается гнетущий гул, как будто по
воздуху мчится на зрительный зал курьерский поезд.
Люди на сцене застывают с высоко поднятыми голо-
вами. Занавес закрывается, и в ту же секунду гро-
хочет взрыв.

К О Н Е Ц